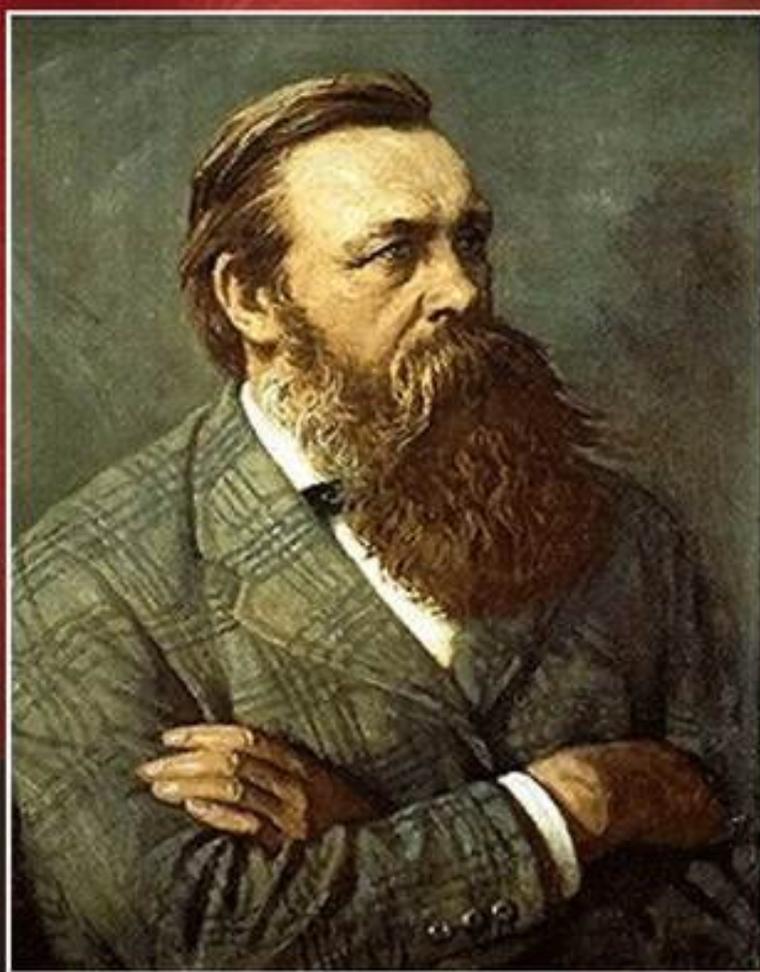

Фридрих
Энгельс

АНТИ-ДЮРИНГ

Диалектика природы

Фридрих Энгельс

Анти-Дюринг.
Диалектика природы

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

1882

Энгельс Ф.

Анти-Дюринг. Диалектика природы / Ф. Энгельс —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», 1882

Произведение Фридриха Энгельса «Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом» стало известным во всем мире под названием «Анти-Дюринг». Книга включает в себя три части: философия, политическая экономия и социализм. Труд Энгельса стал основополагающим произведением диалектического материализма, одним из источников революционной теории марксизма, в значительной мере повлиявшим на ход истории 20 века.

© Энгельс Ф., 1882
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 1882

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
АНТИ-ДЮРИНГ	17
ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРЕМ ИЗДАНИЯМ	19
I	19
II	21
III	26
ВВЕДЕНИЕ	27
I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	27
II. ЧТО ОБЕЩАЕТ Г-Н ДЮРИНГ	34
ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. ФИЛОСОФИЯ	39
III. ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ. АПРИОРИЗМ	39
IV. МИРОВАЯ СХЕМАТИКА	43
V. НАТУРФИЛОСОФИЯ. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО	47
VI. НАТУРФИЛОСОФИЯ. КОСМОГОНИЯ, ФИЗИКА, ХИМИЯ	53
VII. НАТУРФИЛОСОФИЯ. ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС АНТИ-ДЮРИНГ. ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса составляют два главных произведения Энгельса – «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы». Эти произведения были созданы в период с 1873 по 1883 год. Отдельные добавления к ним были сделаны Энгельсом уже после смерти Маркса, т. е. после 1883 года; важнейшим из них является предисловие ко второму изданию «Анти-Дюринга», написанное в 1885 году.

Десятилетие 1873–1883 гг. было периодом быстрого, но сравнительно мирного развития капитализма. Вместе с тем к этому времени в истории капиталистического способа производства наметился существенный перелом. Для передовых промышленных стран Европы 60-е и 70-е годы XIX века, – как указывал В. И. Ленин, – были высшей, предельной ступенью развития свободной конкуренции. Мировой экономической кризис 1873 г. вызвал усиленный рост монополистических объединений. Начался период перехода от домонополистического капитализма к капитализму монополистическому, завершившийся на рубеже XIX и XX веков.

Крупнейшим событием всемирной истории, положившим начало новому периоду освободительной борьбы пролетариата, явилась Парижская Коммуна (1871). Опыт этой первой практической попытки установить диктатуру пролетариата показал, что без массовой пролетарской партии, основанной на принципах научного коммунизма, успешное осуществление пролетарской революции невозможно. На первый план выдвинулась задача образования таких партий в отдельных странах.

Парижская Коммуна породила среди господствующих классов смертельный страх перед грядущим господством пролетариата. Начавшийся переход к империализму сопровождался процессами загнивания всего капиталистического строя. Все это вело к резкому усилению реакции. По мере того как рабочее движение становилось действительной силой и научный социализм овладевал умами передовой части рабочих, – усиливались нападки на марксизм со стороны его идеологических противников.

Особенно быстрое развитие капитализма и особенно резкие противоречия, вызванные этим развитием, имели место в Германии после ее победы во франко-прусской войне и последовавшего затем завершения политического объединения страны. Сюда после падения Парижской Коммуны переместился центр европейского революционного движения. Здесь возникла первая массовая пролетарская партия.

Среди различного рода враждебных марксизму идеологических течений в Германии наиболее опасными стали тогда взгляды немецкого мелкобуржуазного идеолога Е. Дюринга, представлявшие собой эклектическую смесь различного рода вульгарно-материалистических, идеалистических, позитивистских, вульгарно-экономических и псевдосоциалистических воззрений. В отличие от прежних противников марксизма, выступавших преимущественно против его политических принципов, Дюринг подверг нападкам все составные части марксизма и выступил с претензией на создание новой всеобъемлющей системы философии, политической экономии и социализма.

Дюрингианство стало распространяться еще до 1875 г. среди части членов немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев). С 1875 г., после объединения эйсенахцев и лассальянцев в единую Социалистическую рабочую партию Германии, когда эйсенахцы

сделали ряд принципиальных уступок лассальянцам, – опасность дюрингианства стала особенно значительной.

Даже некоторые влиятельные деятели партии склонялись к тому, чтобы принять новоявленное «социалистическое» учение. В условиях, когда партия еще не вполне овладела принципами научного социализма, а рабочее движение еще не вполне освободилось от влияния различных форм домарксовского, утопического социализма, – это было реальной угрозой. Дело шло о теоретических основах немецкой рабочей партии, о судьбе передового отряда международного рабочего движения. Необходимо было защитить, развить и популяризировать учение Маркса.

Энгельс считал своим партийным долгом взять на себя защиту и пропаганду в рядах молодой партии принципов марксизма. В течение двух лет (1876–1878) Энгельс создает большой труд под названием «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» («Анти-Дюринг»), в котором он подверг уничтожающей критике взгляды Дюринга и вместе с тем дал цельное изложение основ марксистской теории. С начала 1877 г. до середины 1878 г. труд этот печатался в центральном органе социал-демократической партии. Впоследствии Энгельс сам объяснил, почему задача борьбы с Дюрингом выпала именно на его долю: «Вследствие разделения труда, существовавшего между Марксом и мной, на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе, – в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами, – для того, чтобы сберечь Марксу время для работы над его великим главным трудом. В силу этого мне приходилось излагать наши воззрения в большинстве случаев в полемической форме, противопоставляя их другим взглядам» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 337).

Маркс принял непосредственное участие в создании «Анти-Дюринга». Он не только активно содействовал принятию Энгельсом решения выступить против дюрингианства и полностью одобрил намеченный Энгельсом замысел всего произведения. Он оказал деятельную помощь Энгельсу в собирании необходимого материала, ознакомился со всей работой в рукописи, а главу, посвященную критике взглядов Дюринга на историю политической экономии, написал сам. Вот почему «Анти-Дюринг», от начала и до конца, выражает точку зрения двоих – Энгельса и Маркса.

Хотя дюрингианство и представляло собой определенную опасность, однако само по себе оно едва ли заслуживало той основательной критики, которой Энгельс подверг его в своей книге. К такой подробной критике Энгельса побудили две причины. Во-первых, Дюринг был типичным представителем той псевдонауки и того вульгарного демократизма, которые получили тогда широкое распространение и среди социалистов, особенно среди оппортунистически настроенной социал-демократической интеллигенции, оказывавшей влияние и на рабочих. Необходимо было излечить рабочее движение от этой «детской болезни». Во-вторых, критика «системы» Дюринга, изложенной в трех толстых томах, давала возможность противопоставить ей в систематическом виде положения марксистской теории по всем основным проблемам философии, политической экономии и социализма. «Всеобъемлющая система моего противника, – писал Энгельс во введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке», – давала мне повод изложить в полемике с ним взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и притом в гораздо более связном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде». Отрицательная критика дюрингианства превращалась в положительное изложение марксизма. Тем самым читатели «Анти-Дюринга» получали возможность всесторонне ознакомиться с марксизмом, изучить его и усвоить.

Впоследствии, имея в виду эту особенность «Анти-Дюринга», Энгельс отмечал, что «скука, неизбежная при полемике с незначительным противником, не помешала этой попытке дать энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исто-

рических проблем оказать свое действие» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 1 изд., т. XXVII, стр. 371).

«Анти-Дюринг» действительно явился подлинной энциклопедией марксизма. Здесь дано всестороннее изложение всех трех составных частей учения Маркса и Энгельса: диалектического и исторического материализма, политической экономии, теории научного коммунизма. «Здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук... Это удивительно содержательная и поучительная книга» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 2, стр. 11).

Книга Энгельса явилась своеобразным итогом развития марксизма за три десятилетия – от его возникновения в середине 40-х годов вплоть до середины 70-х годов XIX века. Эта книга содержала в концентрированном виде все то, чего достиг за это время марксизм в области теории. Энгельс мастерски применил здесь выработанный Марксом и им метод материалистической диалектики. Энгельс широко использовал весь свой огромный арсенал познаний в области философии, политической экономии, истории, свои многолетние естественнонаучные и военные исследования, то блестящее полемическое мастерство, которое Маркс и Энгельс постоянно совершенствовали еще со времени их совместной работы над «Святым семейством» и «Немецкой идеологией». В своей книге Энгельс широко использовал и популяризировал материал I тома «Капитала» и отдельные положения еще не опубликованной тогда «Критики Готской программы» Маркса.

В «Анти-Дюринге» Энгельс не только защитил, но и существенно развил марксизм. Он дал здесь классическую формулировку основных положений и разработал ряд принципиальных вопросов марксистской теории.

«Анти-Дюринг» – прежде всего философское произведение. Основным содержанием книги Энгельса является борьба за последовательный, диалектический материализм. Книга Энгельса – образец применения марксистского принципа партийности в философии. «Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма, – вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга»» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 14, стр.323).

В «Анти-Дюринге» Энгельс сформулировал и обосновал важнейший тезис материализма о том, что «единство мира состоит в его материальности» (см. настоящий том, стр. 43). Развивая диалектическое учение о неразрывности материи и движения, Энгельс дал здесь классическое определение: «Движение есть способ существования материи» (там же, стр. 59). В этой работе получила развитие и материалистическая интерпретация пространства и времени: «Основные формы всякого бытия суть пространство и время» (там же, стр. 54).

Здесь Энгельс с классической ясностью определил также и предмет материалистической диалектики как науки: «Диалектика... есть... наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» (там же, стр. 145). Во введении к своему труду Энгельс изложил марксистскую концепцию основных периодов истории философии, показал закономерность смены различных методов, господствовавших на основных этапах развития философии: наивная диалектика древности – метафизика XVII–XVIII веков – идеалистическая диалектика классической немецкой философии – материалистическая диалектика марксизма. Энгельс дал принципиальное решение проблемы соотношения формальной логики и диалектики; развил основные законы диалектики; разработал такую важнейшую проблему теории познания, как соотношение абсолютной и относительной истины, а также наметил отправные идеи теории отражения, развитые впоследствии Лениным в целостную теорию.

На огромном фактическом материале Энгельс показывает, как применение диалектико-материалистического метода позволяет разрешать сложнейшие проблемы естественных и общественных наук. Существенно обогащая диалектико-материалистическое понимание природы и истории, Энгельс рассматривает такие проблемы, как сущность, возникновение и раз-

витие жизни; соотношение экономики и политики; роль насилия в истории; возникновение классов; проблема социального равенства; соотношение свободы и необходимости; происхождение и сущность государства; мораль и право как надстройки; происхождение и сущность религии; материальные основы военного дела и многие другие вопросы.

В экономической части книги Энгельс подробно определяет предмет политической экономии, проводит различие между политической экономией в узком и в широком смысле, показывает исторический характер этой науки; развивает идеи Маркса о диалектике производства, обмена и распределения, подчеркивая при этом примат производства. Энгельс дает здесь очерк экономического учения Маркса; при этом он особо выделяет марксистское понимание стоимости, простого и сложного труда, капитала и прибавочной стоимости. В написанной Марксом главе освещаются некоторые важные проблемы истории политической экономии и, в частности, исчерпывающим образом выясняется смысл «Экономической таблицы» Ф. Кенэ.

В связи с критикой псевдосоциалистических взглядов Дюринга, Энгельс вскрывает полное – экономическое, политическое и умственное – банкротство буржуазии, доказывает, что ее господство стало непреодолимым препятствием на пути дальнейшего развития производительных сил, разоблачает попытки идеализировать явления государственного капитализма, выдать их за явления социалистические. Энгельс характеризует основные черты экономики коммунистического общества, уделяя особое внимание ее планомерности; формулирует основной экономический закон коммунистического общества: «Распределение... будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развиваться, поддерживать и проявлять свои способности» (там же, стр. 206). Он раскрывает механизм производства и распределения при коммунизме, обосновывает неизбежность перехода от косвенного регулирования их через посредство стоимости – к прямому регулированию путем учета времени, необходимого для производства того или иного продукта. Энгельс показывает необходимость рационального размещения производительных сил и уничтожения противоположности между городом и деревней. Наконец, он подробно анализирует здесь характер труда при коммунизме.

В «Анти-Дюринге» Энгельс показал, что материалистическое понимание истории и диалектический метод явились теоретическими предпосылками для исследования и познания законов капиталистического способа производства, что созданные Марксом материалистическое понимание истории и теория прибавочной стоимости явились фундаментом научного коммунизма, что благодаря этим открытиям завершилось превращение социализма из утопии в науку. В третьей части своего труда Энгельс дал развернутое изложение истории и теории научного коммунизма.

Энгельс развил здесь марксистское положение о том, что научный коммунизм есть теоретическое выражение пролетарского движения, и, основываясь на достигнутых марксизмом результатах исследования господствующих в капиталистическом обществе антагонизмов, дал научное обоснование неизбежности крушения капитализма и победы социалистической революции. Опираясь на материалистическое понимание истории, Энгельс вскрывает основное противоречие капитализма – противоречие между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером производства и частной формой присвоения. Это противоречие проявляется как противоположность между организацией производства на каждом отдельном предприятии и анархией производства во всем обществе, как антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Оно находит разрешение в пролетарской революции. Пролетариат берет власть в свои руки и превращает средства производства в общественную собственность.

Раскрывая закономерности перехода от капитализма к коммунизму, Энгельс научно предсказывает ряд основных черт будущего, коммунистического общества. Он подчеркивает, что с переходом средств производства в руки социалистического государства и утверждением новых, исключая эксплуатацию человека человеком, производственных отношений анархия в производстве заменяется планомерной организацией производства в масштабе всего общества. Начинается непрерывное, постоянно ускоряющееся развитие производительных сил. На этой основе исчезает калечащее человека разделение труда. Все члены общества принимают участие в производительном труде; труд превращается из тяжелого бремени в первую жизненную потребность. Исчезает противоположность между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Уничтожаются классовые различия и отмирает государство. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Коренным образом изменяется семья. Воспитание соединяется с трудом. Исчезает религия. Люди становятся действительными и сознательными хозяевами общества, а вследствие этого и господами природы. Человечество совершает скачок из царства необходимости в царство свободы. Энгельс предвидит в будущем небывалый научный, технический и общественный прогресс. Развивая эту мысль в «Диалектике природы», он предсказывает, что в новую историческую эпоху «сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор» (там же, стр. 359).

Содержащееся в книге Энгельса необычайное богатство мыслей относительно будущего, коммунистического общества приобретает особое, практически-важное значение в нашу эпоху, содержанием которой является переход от капитализма к социализму и коммунизму.

Идеи «Анти-Дюринга» получили широчайшее распространение и оказали огромное влияние, они сыграли выдающуюся роль в истории марксизма и революционного рабочего движения. «Анти-Дюринг» стал «настойной книгой всякого сознательного рабочего» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 4).

Работа Энгельса печаталась в виде серии статей в центральном органе социал-демократической партии – газете «Vorwärts» («Вперед»), Здесь ее читали тысячи передовых рабочих. Письма многих лиц Марксу и Энгельсу свидетельствуют о том мощном резонансе, который имела публикация «Анти-Дюринга» уже в это время. Сразу после завершения публикации в газете «Анти-Дюринг» был издан отдельной книгой, которая затем еще дважды переиздавалась при жизни Энгельса. Три главы книги Энгельс переработал в отдельную брошюру под названием «Развитие социализма от утопии к науке». Эта брошюра, которую Маркс охарактеризовал как «*введение в научный социализм*» (см. настоящее издание, т. 19, стр... 245), еще при жизни Энгельса была переведена на все основные европейские языки, и таким путем идейное содержание «Анти-Дюринга» стало достоянием самых широких масс.

Публикация «Анти-Дюринга» вызвала яростное озлобление врагов марксизма. В 1877 г. на съезде социал-демократической партии дюрингианцы пытались добиться прекращения публикации работы Энгельса. В 1878 г. после введения исключительного закона против социалистов книга Энгельса в Германии была запрещена. Но вопреки всем противодействиям книга Энгельса выполнила свою великую историческую задачу – она способствовала теоретической победе марксизма в рабочем движении.

«Анти-Дюринг» явился мощным теоретическим оружием марксистских партий. Ленин широко использовал его в борьбе против народников, «легальных марксистов», махистов. В труде Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» получило дальнейшее развитие не только теоретическое содержание книги Энгельса, но и то полемическое мастерство, с которым она написана.

Гениальное произведение Энгельса сохраняет непреходящее значение и как неисчерпаемая сокровищница марксистской теории, и как идейное оружие против современных врагов

марксизма – различного рода ревизионистов, эклектиков и псевдосоциалистов, выступающих с позиций, более или менее сходных с теми, которые были разгромлены Энгельсом в «Анти-Дюринге».

Еще за несколько лет до начала работы над «Анти-Дюрингом» Энгельс приступил к созданию большого труда под названием «Диалектика природы». В течение трех лет (1873–1876) Энгельс собрал значительный материал и успел написать введение к этому труду. Покончив с критикой дюрингианства, Энгельс снова вернулся к работе над «Диалектикой природы». Начался решающий этап в разработке диалектико-материалистического понимания природы – этап, который подводил итог многолетним занятиям Маркса и Энгельса в области естествознания.

На протяжении ряда десятилетий XIX века развитие капиталистического способа производства, его производительных сил, стимулировало бурное развитие техники и естествознания, особенно тех разделов последнего, которые более или менее непосредственно были связаны с потребностями производства.

Начало и особенно середина XIX века ознаменовались целым рядом выдающихся открытий и достижений в математике, астрономии, физике, химии, биологии. Устанавливались новые факты и законы, создавались новые гипотезы и теории, возникали новые отрасли науки.

Наиболее выдающимися вехами этого триумфального шествия естественных наук были – как показал Энгельс – три великих открытия: клеточная теория, закон сохранения и превращения энергии, дарвинизм. В 1838–1839 гг. М. Я. Шлейден и Т. Шванн установили тождество растительной и животной клеток, доказали, что клетка является основной структурной единицей организма, и создали целостную клеточную теорию строения организмов; тем самым было доказано единство всего органического мира. В 1842–1847 гг. Р. Майер, Дж. П. Джоуль, У. Р. Гров, Л. А. Кольдинг и Г. Гельмгольц открыли и обосновали закон сохранения и превращения энергии; тем самым вся природа предстала как непрерывный процесс превращения одной формы универсального движения материи в другую. В 1859 г. вышел в свет основной труд Ч. Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора», завершивший развитие эволюционных идей за целое столетие и явившийся фундаментом всей современной биологии. Философское значение этих открытий заключалось в том, что они в наиболее концентрированном виде вскрывали диалектический характер процессов природы. С середины XIX века развитие естествознания приняло характер подлинной революции. Однако оно осложнялось противоречием между диалектической природой нового естественнонаучного материала и метафизическим методом, господствовавшим среди естествоиспытателей. Необходимо было философски обобщить важнейшие достижения естествознания второй трети XIX века и развить диалектико-материалистическое понимание природы.

Так как Маркс был целиком поглощен работой над своим главным трудом – «Капиталом», то за решение этих новых теоретических задач, выдвинутых всем ходом развития естественных наук, взялся Энгельс. Практические возможности для этого сложились после того, как Энгельс освободился от работы в манчестерской фирме и переселился в Лондон. Однако в связи с франко-прусской войной, Парижской Коммуной и деятельностью в Интернационале, Энгельс только с начала 1873 г. смог уделить основное внимание теоретическим исследованиям.

Интерес Маркса и Энгельса к проблемам естествознания не был ни случайным, ни временным. Начиная от юношеского письма Маркса отцу, где он сообщает о своих занятиях естествознанием, вплоть до последних лет жизни, когда Маркс пишет самостоятельные работы по математике, – можно проследить, как расширяются и углубляются его естественнонаучные занятия. Аналогичную эволюцию можно наблюдать и у Энгельса.

Основоположники марксизма, создавая целостное мировоззрение, не только критически переработали достижения предшествовавших им философии, политической экономии,

социалистических и коммунистических учений, – они неизбежно должны были обобщить и основные достижения современного им естествознания, без чего невозможно было придать материализму новую, диалектическую форму. «Маркс и я, – писал Энгельс в предисловии к второму изданию «Анти-Дюринга», – были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории. Но для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием» (см. настоящий том, стр. 10–11).

Высокую оценку роли естественных наук дал Маркс, когда в подготовительных работах к «Капиталу», относящихся к 1863 г., он отметил, что естествознание «образует основу всякого знания».

Глубокий интерес к естественным наукам проявляли в равной степени и Маркс, и Энгельс. Но между ними существовало своеобразное разделение труда. Маркс глубже знал математику, а также историю техники и агрохимию; вместе с тем он занимался физикой, химией, биологией, геологией, анатомией и физиологией; в отличие от Энгельса он больше изучал математику и прикладное естествознание. Энгельс глубже знал физику и биологию; вместе с тем он занимался математикой, астрономией, химией, анатомией и физиологией; в отличие от Маркса он больше изучал теоретическое естествознание.

Уже в работах Маркса и Энгельса, относящихся к периоду становления марксизма, т. е. до 1848 г., имеются многочисленные факты, свидетельствующие об их серьезном внимании к развитию и достижениям естествознания и техники. Однако в этот период Маркс и Энгельс еще не приступили к специальным занятиям естественными науками.

Маркс впервые начинает такие занятия в 1851 г., когда он возобновил свои исследования в области политической экономии и с целью углубленного изучения технологии и агрономии стал специально заниматься историей техники и агрохимией. Впоследствии результаты этих занятий были использованы в главе о машинах в I томе «Капитала» и при разработке теории земельной ренты в III томе «Капитала». В 50-х годах начал заниматься отдельными проблемами естественных наук и Энгельс.

Непосредственно приступив к написанию первого варианта будущего «Капитала», Маркс в ходе этой работы пришел к тому выводу, что ему необходимо специально заняться математикой. С 1858 г. начинаются его занятия алгеброй, затем аналитической геометрией, дифференциальным и интегральным исчислением. Впоследствии эти занятия приобретают самостоятельное значение. В это же время Энгельс начинает изучать физику и физиологию с целью использовать достижения этих наук, в частности клеточную теорию и учение о превращении энергии, для дальнейшего развития диалектики. Мощным стимулом в изучении Марксом и Энгельсом естествознания послужило появление в конце 1859 г. основного труда Дарвина. Энгельс прочитал книгу Дарвина в первые же дни после ее появления. Маркс, читая ее в конце 1860 г., в письме Энгельсу дал классическое определение того значения, которое имело для марксизма великое открытие Дарвина: «Эта книга дает естественно-историческую основу нашим взглядам» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 1 изд., т. XXII, стр. 551). В последующие годы круг естественнонаучных интересов Маркса и Энгельса значительно расширяется. Они изучают биологию, анатомию, физиологию, астрономию, физику, химию и другие науки.

Важнейший этап в естественнонаучных занятиях Маркса и Энгельса начался в 1873 г. и продолжался до смерти Маркса в 1883 году. В этот период Маркс и Энгельс, продолжая расширять и углублять свои естественнонаучные исследования, приступают к созданию самостоятельных работ. Маркс создает важнейшую часть своих математических рукописей, в которой он поставил своей задачей дать диалектическое обоснование дифференциального исчисления. Но решающая роль в естественнонаучной области принадлежит в этот период работам Энгельса – его «Диалектике природы».

После смерти Маркса Энгельс уже не имел возможности заниматься естествознанием систематически. Однако в ряде своих работ этого последнего периода он использовал как результаты своих прежних исследований, так и новые данные естествознания.

Таким образом, в то время, когда Энгельс в 1878 г., разделившись с Дюрингом, приступал к написанию глав «Диалектики природы», он мог уже опираться на многолетний опыт изучения всего комплекса естественных наук.

Задача, которую Энгельс ставил перед собой при работе над «Диалектикой природы», сформулирована в предисловии к второму изданию «Анти-Дюринга»: «Дело шло о том, чтобы и на частностях убедиться в той истине, которая в общем не вызывала у меня никаких сомнений, а именно, что в природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий», «для меня дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы отыскать их в ней и вывести их из нее» (см. настоящий том, стр. 11, 12). Таким образом, задача состояла в том, чтобы вскрыть объективную диалектику в природе, а тем самым обосновать необходимость сознательной материалистической диалектики в естествознании, изгнать из него идеализм, метафизику и агностицизм, а также и вульгарный материализм, дать диалектико-материалистическое обобщение важнейших результатов развития естествознания и тем самым обосновать всеобщность основных законов материалистической диалектики.

Для этой цели Энгельс мобилизовал огромный фактический материал. Он использовал в общей сложности около ста трудов крупнейших естествоиспытателей, в том числе: по математике – книгу Ш. Боссю, по астрономии – И. Г. Медлера и А. Секки, по физике – Р. Майера, Г. Гельмгольца, У. Р. Грова, У. Томсона, Р. Клаузиуса, К. Максвелла, Г. Видемана и Т. Томсона, по химии – А. Наумана, Г. Э. Роско и К. Шорлеммера, по биологии – Ч. Дарвина, Э. Геккеля, Г. А. Николсона; журнал «Nature» («Природа»). К сожалению, в силу целого ряда обстоятельств, Энгельс не смог использовать такие менее известные тогда, но исторически не менее важные исследования, как труды Ломоносова, Лобачевского, Римана, Бутлерова, работы Максвелла по теории электромагнитного поля.

Несмотря на то, что «Диалектика природы» осталась незаконченной и отдельные составные части ее имеют характер предварительных набросков и отрывочных заметок, это произведение представляет собой связное целое, объединенное общими основными идеями и единым стройным планом.

В «Диалектике природы» Энгельс на обширном материале истории естествознания, особенно – периода от эпохи Возрождения до середины XIX века, показал, что развитие естествознания обусловлено в конечном счете потребностями практики, производства. Впервые в истории марксизма Энгельс всесторонне исследовал здесь вопрос о взаимоотношении философии и естествознания, выявил их неразрывную связь и доказал, что «в естествознании, благодаря его собственному развитию, метафизическая концепция стала невозможной», что «возврат к диалектике совершается бессознательно, поэтому противоречиво и медленно», что диалектика, освобожденная от гегелевского мистицизма, «становится абсолютной необходимостью для естествознания» (там же, стр. 343, 520), и поставил перед естествоиспытателями задачу сознательно овладеть диалектическим методом.

Энгельс развивает основные положения диалектического материализма о материи и движении, пространстве и времени; конкретизирует определение диалектики, формулирует три основных закона диалектики и показывает, что «диалектические законы являются действительными законами развития природы и, значит, имеют силу также и для теоретического естествознания» (там же, стр. 385).

Стержневой идеей «Диалектики природы» является классификация форм движения материи и соответственно этому классификация наук, изучающих эти формы движения. Низ-

шая форма движения – это простое перемещение, высшая – мышление. Основные формы, изучаемые естественными науками: механическое, физическое, химическое и биологическое движение. Каждая низшая форма движения переходит посредством диалектического скачка в высшую форму. Каждая высшая форма движения содержит в себе как подчиненный момент низшую форму, но не сводится к ней. На основе этого учения о формах движения материи Энгельс строит диалектико-материалистическую классификацию естественных наук, где каждая из наук «анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения» (там же, стр. 564).

Опираясь на эту стержневую идею, Энгельс последовательно рассматривает диалектическое содержание математики, механики, физики, химии, биологии. При этом в математике он выделяет проблему кажущейся априорности математических абстракций, в астрономии – проблему происхождения и развития солнечной системы, в физике – учение о превращении энергии, в химии – проблему атомистики, в биологии – проблему происхождения и сущности жизни, клеточную теорию, дарвинизм. Переход от естествознания к истории общества образует разработанная здесь Энгельсом трудовая теория происхождения человека.

Рассматривая все эти проблемы, Энгельс не ограничивается простой констатацией того или иного естественнонаучного открытия, но, применяя диалектико-материалистический метод, по-новому интерпретирует важнейшие достижения естествознания. Так, например, говоря о значении открытия Р. Майера и других ученых, установивших закон сохранения энергии, Энгельс подчеркивает, что специфически новым в этом открытии была именно формулировка абсолютного закона природы: любая форма движения способна и вынуждена превращаться в любую другую форму движения. Энгельс обогащает понимание закона сохранения энергии, выдвигая положение о том, что энергия неуничтожима не только в количественном, но и в качественном отношении, что в бесконечной вселенной ни одна из форм движения, превращаясь в другие формы движения, не может совершенно исчезнуть как таковая. Или, говоря о всемирно-историческом значении открытия Дарвина, Энгельс вместе с тем указывает, что Дарвин отвлекался от причин изменения организмов, подвергает критике одностороннее представление, абсолютизирующее «борьбу за существование», подчеркивает роль среды в развитии организмов и роль обмена веществ как их определяющей функции.

Применяя диалектико-материалистический метод, Энгельс решает ряд проблем современного ему естествознания, намечает пути дальнейшего развития науки и предвосхищает некоторые из ее позднейших завоеваний. Так, например, Энгельс решил вопрос о двоякой мере движения; анализируя противоречия современного ему учения об электричестве, он предвосхитил теорию электролитической диссоциации.

В отличие от большинства современных ему ученых Энгельс защищает и развивает мысль о сложности атомов: «Атомы отнюдь не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества» (там же, стр. 585). Энгельс гениально предвидел существование частиц, являющихся аналогами математических бесконечно малых величин различных порядков. Современное учение о строении материи подтвердило и продолжает подтверждать взгляды Энгельса относительно сложности атома и его неисчерпаемости. Точно так же, развивая понимание материи как единства притяжения и отталкивания, Энгельс указал на принципиальную возможность существования такого вида материи, которая – говоря языком современной физики – не имеет массы покоя, что и подтвердили открытия XX века.

В «Диалектике природы» Энгельс впервые сформулировал свое определение жизни: «Жизнь есть способ существования белковых тел» (там же, стр. 616). Это определение явилось отправным пунктом в исследовании вопроса о происхождении и сущности жизни.

Одной из крупнейших заслуг Энгельса является разработка трудовой теории антропогенеза. В блестящем очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Энгельс с непревзойденным мастерством выясняет решающую роль труда, производства орудий, в фор-

мировании физического типа человека и в образовании человеческого общества, показывая, как из обезьяноподобного предка в результате длительного исторического процесса развилось качественно отличное от него существо – человек.

Во всех отраслях науки Энгельс поддерживает, выдвигает на первый план и развивает дальше передовые воззрения и теории. В частности, он высоко оценивает научный подвиг великого русского ученого Д. И. Менделеева, создавшего периодическую систему химических элементов. Вместе с тем Энгельс решительно борется с теми представлениями, которые уже не соответствовали новейшим достижениям науки и тормозили дальнейший прогресс исследования. Так, например, он подвергает глубокой критике гипотезу Р. Клаузиуса – У. Томсона – Й. Лохмидта о так называемой «тепловой смерти» вселенной. Энгельс показывает, что эта модная гипотеза противоречит правильно понятому закону сохранения и превращения энергии. Принципиальные положения Энгельса о неуничтожимости движения не только в количественном, но и качественном смысле и о невозможности, в связи с этим, «тепловой смерти» вселенной наметили путь, по которому пошло дальнейшее развитие передового естествознания.

Вскрывая диалектику природы, Энгельс на протяжении всего своего труда ведет непримиримую борьбу против различного рода антинаучных тенденций среди представителей естествознания – против вулгарного материализма, метафизики, идеализма и агностицизма, против одностороннего эмпиризма и механицизма, спиритизма и иных влияний религиозной идеологии.

Само собой разумеется, что за прошедшие десятилетия бурного и революционного развития всех естественных наук отдельные частности «Диалектики природы» и, прежде всего, тот фактический материал, на который опирался Энгельс, – не могли не устареть. Устарела, например, космогоническая гипотеза Канта – Лапласа, из которой исходил Энгельс. Окончательно отвергнута механическая гипотеза эфира. Установлено, что скорость электрического тока не может превышать скорости света. Однако все это не затрагивает существа «Диалектики природы». Общая методология и общая концепция этой книги сохраняют и будут сохранять свое непреходящее значение.

Главное в «Диалектике природы» – это ее метод, материалистическая диалектика. Энгельс с необычайной силой показал здесь роль теоретического мышления, роль метода в познании мира. «Презрение к диалектике не остается безнаказанным», ибо без теоретического мышления «невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь», а диалектика как раз и «является единственным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания» (там же, стр. 382, 528).

В «Диалектике природы» более полно, чем в других произведениях основоположников марксизма, разработаны такие проблемы и категории диалектики, как причинность, необходимость и случайность, классификация форм суждения, соотношение индукции и дедукции, роль гипотезы как формы развития естествознания и многие другие.

Даже в незавершенном виде это гениальное произведение поражает богатством и глубиной своего теоретического содержания. «Диалектика природы» представляет новый этап в развитии диалектического материализма. Здесь Энгельс существенно развил материализм и диалектику и наметил путь к решению основных проблем современного ему естествознания.

Энгельсу не удалось завершить работу над «Диалектикой природы». После смерти Маркса на плечи Энгельса легли все обязанности по изданию рукописей Маркса и по руководству международным рабочим движением. После смерти Энгельса рукопись «Диалектики природы» в течение тридцати лет лежала под спудом в архивах германской социал-демократии. Впервые она была издана в Советском Союзе в 1925 году.

Некоторые положения «Диалектики природы» стали известны читателю уже в последней четверти XIX века благодаря тому, что Энгельс использовал их в ряде своих опубликованных

произведений, и прежде всего в таких, как «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке».

Идеи «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» получили дальнейшее развитие в гениальном труде В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где было дано философское обобщение того огромного естественнонаучного материала, который накопился к началу XX века. Эти идеи были развиты далее в «Философских тетрадах» Ленина и в его программной статье «О значении воинствующего материализма». Ленин не знал «Диалектики природы», но, опираясь на созданный Марксом и Энгельсом диалектический материализм, он в целом ряде принципиальных вопросов пришел к тем же выводам и развил дальше те положения, которые Энгельс сформулировал в «Диалектике природы».

Развитие естествознания в XX веке подтвердило и обогатило созданное Марксом и Энгельсом диалектико-материалистическое понимание природы. В области физики открытия Планка – Бора – де Бройля явились естественнонаучным обоснованием диалектического положения о единстве прерывности и непрерывности материи. Теория относительности Эйнштейна конкретизировала положения Энгельса о материи, движении, пространстве и времени. Современная теория элементарных частиц блестяще оправдывает положения Энгельса и Ленина о неисчерпаемости атома и электрона. С таким же успехом подтвердились выводы диалектического материализма и в области биологии. На примере кибернетики и многих вновь возникших отраслей естествознания, таких как физическая химия, биохимия, геофизика, космическая биология и другие, полностью подтвердилось и подтверждается предсказание Энгельса о том, что именно на стыках различных наук надо ожидать наибольших достижений.

Таковы результаты исторической проверки марксистской методологии – диалектико-материалистического метода. Прошедшие десятилетия показали всю глубину мысли Энгельса и Ленина о необходимости союза философии и естествознания, философов и естествоиспытателей. И в еще большей степени значение этого требования раскроет будущее.

Теоретическое содержание «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» подтвердилось всем ходом истории на протяжении почти целого столетия и непрерывно обогащается новейшими достижениями науки и техники и всей практикой борьбы за коммунизм. Бессмертные идеи этих гениальных трудов Энгельса будут и впредь освещать пути развития науки в эпоху атомной энергии, кибернетических машин и освоения космоса, они будут и впредь освещать пути развития общества в великую эпоху коммунизма.

* * *

Печатаемые в настоящем томе произведения Энгельса даются в основном в том составе, в котором они давались в отдельных изданиях «Анти-Дюринга» (1945–1957 гг.) и «Диалектики природы» (1941–1955 гг.). В отличие от прежних русских изданий «Анти-Дюринга», где в квадратных скобках были даны те добавления, которые Энгельс сделал в брошюре «Развитие социализма от утопии к науке», но не включил в соответствующий текст «Анти-Дюринга», – в настоящем издании эти добавления приводятся в разделе «Материалы к «Анти-Дюрингу» в конце тома. Из «Приложений» к «Анти-Дюрингу» исключены те части, которые самим Энгельсом были отнесены к «Диалектике природы» – они даются только в тексте «Диалектики природы». Весь остальной текст «Приложений» включен в раздел «Материалы к «Анти-Дюрингу».

В конце «Диалектики природы» помещены составленные Энгельсом названия и оглавления связок, в которых дошла до нас рукопись этого труда.

При работе над текстом «Анти-Дюринга» были выявлены и исправлены некоторые опечатки и опiski, вкравшиеся в третье немецкое издание этого произведения. Перевод всей книги был заново проверен и уточнен.

При работе над текстом «Диалектики природы» в отдельных местах была уточнена расшифровка рукописи Энгельса, а в одном месте, благодаря полученной Институтом марксизма-ленинизма полной и точной фотоконии фрагмента «*Геоцентрическая* точка зрения...», были восстановлены две последние строчки этого фрагмента, отсутствовавшие в старой фотоконии. В перевод «Диалектики природы» были внесены отдельные уточнения.

Научно-справочный аппарат тома значительно пополнен и расширен по сравнению с отдельными изданиями «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы».

АНТИ-ДЮРИНГ

ПЕРЕВОРОТ В НАУКЕ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ГОСПОДИНОМ ЕВГЕНИЕМ ДЮРИНГОМ¹

¹ «Анти-Дюринг» – под таким названием вошел в историю классический труд Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». // Произведение Энгельса возникло как непосредственный результат идеологической борьбы в социал-демократической партии Германии. // Впервые Маркс и Энгельс обратили внимание на работы Дюринга в связи с рецензией Дюринга на первый том «Капитала» Маркса, которая была опубликована в декабре 1867 г. в журнале «Erganzungs-blätter», т. III, вып. 3. В ряде писем Маркса и Энгельса, особенно за январь – март 1868 г., нашло отражение то критическое отношение к Дюрингу, которое у них сложилось уже в это время. // В середине 70-х годов влияние Дюринга среди социал-демократов стало весьма значительным. Наиболее активными дюрингианцами оказались Э. Бернштейн, И. Мост, Ф. В. Фриче. Кратковременное влияние дюрингианства испытал на себе даже А. Бебель. В марте 1874 г. в центральном органе Социал-демократической рабочей партии (так называемых эйзенахцев) газете «Volksstaat» были анонимно опубликованы две его статьи о Дюринге под названием «Новый коммунист». В связи с этим Маркс и Энгельс обратились с резким протестом к редактору газеты В. Либкнехту. // К началу 1875 г. распространение дюрингианства приняло опасные размеры. Этому особенно способствовали второе издание книги Дюринга «Критическая история политической экономии и социализма» (вышло в свет в ноябре 1874 г.) и издание его книги «Курс философии» (последний выпуск вышел в свет в феврале 1875 г.). В этих работах Дюринг, провозгласивший себя приверженцем социализма, выступил с особенно резкими нападками на марксизм. Это побудило Либкнехта обратиться к Энгельсу, в письмах от 1 февраля и 21 апреля 1875 г., с прямым предложением выступить против Дюринга на страницах «Volksstaat». В октябре 1875 г. Либкнехт послал Энгельсу отвергнутую газетой хвалебную заметку А. Энса о Дюринге, а в мае 1876 г. – аналогичную статью И. Моста. // Уже в феврале 1876 г. Энгельс счел необходимым публично выступить против Дюринга. Энгельс сделал это в своей статье «Прусская водка в германском рейхстаге», опубликованной в газете «Volksstaat» (см. настоящее издание, т. 19, стр. 47). // Усиление дюрингианства, распространение его среди части членов только что объединившейся Социалистической рабочей партии Германии (основана на съезде в Готе в мае 1875 г.) вынудило Энгельса прервать свою работу над «Диалектикой природы», чтобы дать отпор новоявленному «социалистическому» учению и отстоять марксизм как единственно верное мировоззрение пролетарской партии. // Это решение было принято в конце мая 1876 года. Энгельс в письме Марксу от 24 мая 1876 г. высказывает намерение подвергнуть критике писания Дюринга. В ответном письме от 25 мая Маркс решительно поддерживает это намерение. Энгельс сразу же принимается за работу и уже 28 мая в письме Марксу он намечает общий план и характер своего труда. // Энгельс работал над «Анти-Дюрингом» в течение двух лет – с конца мая 1876 до начала июля 1878 года. // Первый отдел книги был написан в основном с сентября 1876 по январь 1877 года. Он был опубликован в виде серии статей под названием «Переворот в философии, произведенный господином Евгением Дюрингом» в газете «Vorwärts» в январе – мае 1877 г. (№ 1, 3. I; № 2, 5. I; № 3, 7. I; № 4, 10. I; № 5, 12. I; № 6, 14. I; № 7, 17. I; № 10, 24. I; № 11, 26. I; № 17, 9. II; № 24, 25. II; № 25, 28. II; № 36, 25. III; № 37, 28. III; № 44, 15. IV; № 45, 18. IV; № 49, 27. IV; № 50, 29. IV; № 55, 11. V; № 56, 13. V). В этот отдел входили и первые две главы, которые впоследствии, начиная с первого отдельного издания книги, были выделены в самостоятельное общее введение ко всем трем отделам. // Второй отдел книги был написан в основном с июня по август 1877 года. Последняя, X глава этого отдела, касающаяся истории политической экономии, была написана Марксом: первая часть главы – до начала марта, а вторая часть, посвященная разбору «Экономической таблицы» Кенэ, – до начала августа 1877 года. Второй отдел был опубликован под названием «Переворот в политической экономии, произведенный господином Евгением Дюрингом» в Научном приложении и в Приложении к газете «Vorwärts» в июле – декабре 1877 г. (к № 87, 27. VII; № 93, 10. VIII; № 96, 47. VIII; № 105, 7. IX; № 108, 14. IX; № 127, 28. X; № 130, 4. XI; № 139, 28. XI; № 152, 30. XII). // Третий отдел книги был написан в основном с августа 1877 по апрель 1878 года. Он был опубликован под названием «Переворот в социализме, произведенный господином Евгением Дюрингом» в Приложении к газете «Vorwärts» в мае – июле 1878 г. (к № 52, 5. V; № 61, 26. V; № 64, 2. VI; № 75, 28. VI; № 79, 7. VII). // Публикация «Анти-Дюринга» вызвала ожесточенное сопротивление дюрингианцев. На очередном партийном съезде в Готе 27–29 мая 1877 г. они предприняли попытку добиться запрещения публиковать работу Энгельса в центральном органе партии. Не без их влияния «Анти-Дюринг» печатался в газете с большими перерывами. // В июле 1877 г. первый отдел работы Энгельса был издан в Лейпциге отдельной брошюрой под названием «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. I. Философия». В июле 1878 г. там же отдельной брошюрой были изданы второй и третий отделы под названием «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. II. Политическая экономия. Социализм». Одновременно, около 8 июля 1878 г., с предисловием Энгельса вышло первое отдельное издание всей книги под названием: F. Engels. «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Philosophie. Politische Oekonomie. Sozialismus». Leipzig, 1878 (Ф. Энгельс. «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Философия. Политическая экономия. Социализм». Лейпциг, 1878). В последующих немецких изданиях книга выходила под тем же названием, но без подзаголовка «Философия. Политическая экономия. Социализм». Второе издание книги вышло в Цюрихе в 1886 году. Третье, просмотренное и дополненное издание вышло в Штутгарте в 1894 году; это было последнее прижизненное издание «Анти-Дюринга». // Название книги Энгельса иронически перефразирует название работы Дюринга «Carey's Umwälzung der Volkswirtschaftslehre und Socialwissenschaft» («Переворот в учении о народном хозяйстве и асоциальной науке, произведенный Кэри»), которая была издана в Мюнхене в 1865 году. В этой работе Дюринг превозносил вульгарного экономиста Кэри, являвшегося, по существу, его учителем в области политической экономии. // В конце октября 1878 г., после введения в Германии исключительного закона против социалистов, «Анти-Дюринг», как и другие работы Энгельса, был запрещен. // В 1880 г. по просьбе П. Лафарга Энгельс переработал три главы «Анти-Дюринга» (I главу «Введения» и I и II главы третьего отдела) в самостоятельную попу-

Написано Ф. Энгельсом в сентябре 1876 – июне 1878 г.

Напечатано в газете «Vorwärts» с 3 января 1877 по 7 июля 1878 г.

Издано отдельной книгой в Лейпциге в 1878 г.

Печатается по тексту издания 1894 г.

Перевод с немецкого

лярную брошюру, вышедшую сперва под заголовком «Утопический социализм и научный социализм», а затем под заголовком «Развитие социализма от утопии к науке». Брошюра эта еще при жизни Энгельса была переведена на ряд европейских языков и получила широкое распространение среди рабочих. Последнее прижизненное немецкое (четвертое) издание этой брошюры было выпущено в Берлине в 1891 году. Брошюра отличается от соответствующих глав «Анти-Дюринга» по расположению материала, содержит дополнительные вставки и кое-какие изменения по сравнению с текстом «Анти-Дюринга». // В России еще при жизни Энгельса переводы некоторых глав «Анти-Дюринга» получили самое широкое распространение. В августе 1879 г. в журнале «Критическое Обозрение» № 15 была напечатана рецензия Н. Зиберы на книгу Энгельса, содержащая переводы целых страниц из «Анти-Дюринга». В ноябре того же года в журнале «Слово» была опубликована большая статья Зиберы «Диалектика в ее применении к науке», представлявшая собой сокращенный перевод первого отдела и трех глав третьего отдела «Анти-Дюринга»; продолжение статьи не последовало из-за цензурных препятствий. В 1884 г. в Женеве в переводе В. Засулич вышло русское издание «Развития социализма от утопии к науке»; в приложении к брошюре был дан перевод трех глав о теории насилия из второго отдела «Анти-Дюринга». Существовало несколько нелегальных изданий частичных переводов «Анти-Дюринга» на русский язык. Первый русский перевод «Анти-Дюринга», однако с целым рядом цензурных купюр, был издан в Петербурге в 1904 г. под названием «Философия, Политическая экономия, Социализм (Переворот в науке, произведенный Дюрингом)». Полный перевод на русский язык был издан в Петербурге в 1907 г. под названием «Анти-Дюринг (Переворот в науках, совершенный г. Дюрингом)».

ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРЕМ ИЗДАНИЯМ

I

Предлагаемая работа отнюдь не есть плод какого-либо «внутреннего побуждения». Напротив.

Когда три года тому назад г-н Дюринг, в качестве адепта социализма и одновременно его реформатора, внезапно бросил вызов своему веку,² мои друзья в Германии стали обращаться ко мне с настойчивой просьбой, чтобы я критически осветил эту новую социалистическую теорию в тогдашнем центральном органе социал-демократической партии – «Volksstaat».³ Они считали это крайне необходимым, чтобы не дать столь молодой еще и только что окончательно объединившейся партии нового повода к сектантскому расколу и к замешательству. Они могли лучше, чем я, судить о положении дел в Германии; я был обязан, следовательно, им верить. К тому же обнаружилось, что новообращенный был принят одной частью социалистической печати с сердечностью, которая, правда, относилась только к доброй воле г-на Дюринга, но в то же время давала основания думать, что эта часть партийной печати, именно ввиду доброй воли г-на Дюринга, готова добровольно принять на веру заодно и дюринговскую доктрину. Нашлись даже люди, которые уже собирались распространять эту доктрину в популярной форме среди рабочих. И, наконец, г-н Дюринг и его маленькая секта пустили в ход все ухищрения рекламы и интриги, чтобы принудить «Volksstaat» занять решительную позицию по отношению к выступившему с такими громадными претензиями новому учению.

Несмотря на все это, прошел целый год, пока я смог решиться отложить в сторону другие работы и приняться за этот кислый плод. А плод этот был такого свойства, что, отведав его, пришлось поневоле съесть его целиком. К тому же он был не только очень кислый, но и изрядной величины. Новая социалистическая теория выступила как конечный практический результат некоторой новой философской системы. Нужно было поэтому исследовать ее во внутренней связи этой системы, а вместе с тем подвергнуть разбору и самоё эту систему. Нужно было последовать за г-ном Дюрингом в ту обширную область, где он толкует о всех возможных вещах и еще кое о чем сверх того. Так возник ряд статей, которые печатались с начала 1877 г. в лейпцигском «Vorwärts», преемнике газеты «Volksstaat», и предлагаются здесь в связанном виде.

Таким образом, характер самого предмета принудил критику к такой обстоятельности, которая крайне непропорциональна научному содержанию этого предмета, т. е. содержанию дюринговских сочинений. Впрочем, еще два других соображения могут оправдать эту обстоятельность. С одной стороны, она дала мне возможность в положительной форме развить

² Энгельс использует здесь ставшее крылатым место из драмы Шиллера «Дон Карлос», действие I, явление 9: // «Мой страх пропал – плечо к плечу с тобой // Я брошу вызов моему столетью».

³ «Der Volksstaat» («Народное государство») – центральный орган немецкой Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев), издавался в Лейпциге со 2 октября 1869 по 29 сентября 1876 г. (сначала два раза в неделю, с июля 1873 г. – три раза). Газета выражала взгляды представителей революционного течения в рабочем движении Германии. За свои смелые революционные выступления газета подвергалась постоянным правительственным и полицейским преследованиям. Состав ее редакции непрерывно менялся в связи с арестами редакторов, но общее руководство газетой оставалось в руках В. Либкнехта. Значительную роль в газете играл А. Бебель, заведовавший издательством «Volksstaat». // Маркс и Энгельс поддерживали тесный контакт с редакцией газеты, на ее страницах систематически печатались их статьи. Придавая большое значение деятельности «Volksstaat», Маркс и Энгельс внимательно следили за ней и критиковали ее за отдельные промахи и ошибки, выправляли линию газеты, которая благодаря этому была одной из лучших рабочих газет 70-х годов XIX века. // С 1 октября 1876 г. по решению Готского съезда 1876 г. вместо газет «Volksstaat» и «Neuer Sozialdemokrat» («Новый социал-демократ») стал издаваться единый центральный орган Социалистической рабочей партии Германии – газета «Vorwärts» («Вперед»). Газета была закрыта 27 октября 1878 г. после введения исключительного закона против социалистов (см. примечание 7).

в весьма различных затрагиваемых здесь областях знания мое понимание вопросов, имеющих в настоящее время общий научный или практический интерес. Это имело место в каждой отдельной главе, и как бы мало это сочинение ни преследовало цель противопоставить «системе» г-на Дюринга другую систему, все же, надо надеяться, от читателя не ускользнет внутренняя связь в выдвинутых мной воззрениях. У меня уже теперь имеется достаточно доказательств, что в этом отношении мой труд оказался не совсем бесплодным.

С другой стороны, «системосозидающий» г-н Дюринг не представляет собой единичного явления в современной немецкой действительности. С некоторых пор системы космогонии и натурфилософии вообще, системы политики, политической экономии и т. д. растут в Германии, как грибы после дождя. Самый ничтожный доктор философии, даже студийоз, не возьмется за что-либо меньшее, чем создание целой «системы». Подобно тому как в современном государстве предполагается, что каждый гражданин способен судить обо всех тех вопросах, по которым ему приходится подавать свой голос; подобно тому как в политической экономии исходят из предположения, что каждый потребитель является основательным знатоком всех тех товаров, которые ему приходится покупать для своего жизненного обихода, – подобно этому теперь считается, что и в науке следует придерживаться такого же предположения. Свобода науки понимается как право человека писать обо всем, чего он не изучал, и выдавать это за единственный строго научный метод. А г-н Дюринг представляет собой один из характернейших типов этой развязной псевдонауки, которая в наши дни в Германии повсюду лезет на передний план и все заглушает грохотом своего высокопарного пустозвонства. Высокопарное пустозвонство в поэзии, в философии, в политике, в политической экономии, в истории, высокопарное пустозвонство с кафедры и трибуны, высокопарное пустозвонство везде, высокопарное пустозвонство с претензией на превосходство и глубокомыслие, в отличие от простого, плоско-вульгарного пустозвонства других наций, высокопарное пустозвонство как характернейший и наиболее массовый продукт немецкой интеллектуальной индустрии, с девизом: «дешево, да гнило», – совсем как другие немецкие фабрикатy, рядом с которыми оно, к сожалению, не было представлено в Филадельфии.⁴ Даже немецкий социализм – особенно со времени благого примера, поданного г-ном Дюрингом, – весьма усердно промышляет в наши дни высокопарным пустозвонством и выдвигает разных субъектов, кичащихся «наукой», в области которой они «действительно так ничему и не научились».⁵ Мы имеем здесь дело с детской болезнью, которая свидетельствует о начинающемся переходе немецкого студийоза на сторону социал-демократии и неотделима от этого процесса, но наши рабочие при своей замечательно здоровой натуре несомненно ее преодолеют.

Не по моей вине я вынужден был следовать за г-ном Дюрингом в такие области, где в лучшем случае я могу выступать лишь в качестве дилетанта. В таких случаях я по большей части ограничивался тем, что противопоставлял ложным или сомнительным утверждениям моего противника верные и неоспоримые факты. Так я поступал в юридической области и в некоторых вопросах естествознания. В других случаях дело шло об общих воззрениях, относящихся к теоретическому естествознанию, следовательно, дело шло о той сфере, в которой и специалисту-естествоиспытателю приходится выходить за рамки своей специальности и переходить

⁴ 10 мая 1876 г. в связи со столетием со дня основания США в Филадельфии открылась шестая всемирная промышленная выставка. Среди сорока стран, представленных на ней, была и Германия. Однако назначенный германским правительством в качестве председателя немецкого жюри директор берлинской промышленной академии профессор Ф. Рёло вынужден был признать, что германская промышленность значительно отстает от промышленности других стран и что она руководствуется принципом «дешево, да гнило». Это заявление вызвало многочисленные отклики в печати. Газета «Volkstaat», в частности, напечатала в июле – сентябре ряд статей, посвященных этому скандальному факту.

⁵ Получившая широкое хождение фраза «так ничему и не научились» содержится в одном из писем французского адмирала де Пана. Иногда ее приписывают Талейрану. Сказана была по адресу роялистов, которые оказались неспособны извлечь какие-либо уроки из французской буржуазной революции конца XVIII века.

в смежные области, где он, по признанию г-на Вирхова, является таким же «по-лузнайкой»,⁶ как и мы, прочие смертные. Надеюсь, что и мне будет оказано то снисхождение в отношении небольших неточностей и неловкостей в выражениях, которое в таких случаях оказывают друг другу представители различных специальностей.

Когда я заканчивал это предисловие, мне попалось на глаза составленное г-ном Дюрингом объявление книгоиздательства о выходе в свет нового «руководящего» сочинения г-на Дюринга «Новые основные законы рациональной физики и химии». Вполне сознавая недостаточность своих знаний в области физики и химии, я все же думаю, что знаю достаточно нашего г-на Дюринга, и потому, даже не видя названного сочинения, могу предсказать, что установленные в нем законы физики и химии по своей несуразности или тривиальности достойны того, чтобы занять место рядом с прежними законами политической экономии, мировой схематики и т. д., открытыми г-ном Дюрингом и разобранными в моем сочинении, и что сконструированный г-ном Дюрингом ригометр, или инструмент для измерения очень низких температур, послужит не для измерения температур, высоких или низких, а единственно только для измерения невежественной заносчивости г-на Дюринга. *Лондон*, 11 июня 1878 г.

II

Для меня явилось неожиданностью, что настоящее сочинение должно выйти новым изданием. Объект его критики в настоящее время уже почти забыт; само оно не только печаталось частями для многих тысяч читателей в лейпцигском «Vorwärts» за 1877 и 1878 гг., но появилось и отдельным изданием в большом количестве экземпляров. Кого же еще может интересовать то, что я писал несколько лет назад о г-не Дюринге?

В первую очередь я обязан этим, надо полагать, тому обстоятельству, что это произведение было тотчас после издания исключительного закона против социалистов⁷ запрещено в Германской империи, как и почти все другие мои работы, находившиеся тогда еще в обращении. Для всякого, кто не закоснел окончательно в наследственных бюрократических предрассудках стран Священного союза,⁸ было ясно, каков будет результат этой меры: двойной и тройной сбыт запрещенных книг, выставляющий напоказ бессилие берлинских господ, которые, издавая запрещения, не могут провести их в жизнь. В самом деле, благодаря любезности имперского правительства мои небольшие работы появляются в большем количестве изданий, чем я могу осилить; у меня нет времени просматривать как следует их текст, и я вынужден большей частью просто перепечатывать их.

К этому присоединяется, однако, еще и другое обстоятельство. Подвергаемая здесь критике «система» г-на Дюринга охватывает очень широкую теоретическую область, и это вынудило и меня следовать за ним повсюду и противопоставлять его взглядам свои собственные.

⁶ Энгельс имеет в виду выступление Р. Вирхова на 50-м съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Мюнхене 22 сентября 1877 года. См. R. Virchow. «Die Freiheit der Wissenschaft im modernen Staat». Berlin, 1877; S. 13 (Р. Вирхов. «Свобода науки в современном государстве». Берлин, 1877, стр. 13).

⁷ *Исключительный закон против социалистов* был введен правительством Бисмарка при поддержке большинства рейхстага 21 октября 1878 г. в целях борьбы против социалистического и рабочего движения. Этот закон поставил социал-демократическую партию Германии в нелегальное положение; были запрещены все организации партии, массовые рабочие организации, социалистическая и рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература, социал-демократы подвергались репрессиям. Однако социал-демократической партии, которая при активной помощи Маркса и Энгельса сумела преодолеть и оппортунистические, и «ультралевые» элементы в своих рядах, удалось за время действия исключительного закона, правильно сочетая нелегальную работу с использованием легальных возможностей, значительно укрепить и расширить свое влияние в массах. Под давлением массового рабочего движения исключительный закон был отменен 1 октября 1890 года. Оценку этого закона Энгельсом см. в статье «Бисмарк и германская рабочая партия» (настоящее издание, т. 19, стр. 289–291).

⁸ *Священный союз* – реакционное объединение европейских монархов, основанное в 1815 г. царской Россией, Австрией и Пруссией для подавления революционных движений в отдельных странах и сохранения там феодально-монархических режимов.

Отрицательная критика стала благодаря этому положительной; полемика превратилась в более или менее связное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляемых Марксом и мной, – изложение, охватывающее довольно много областей знания. Это наше миропонимание, впервые выступившее перед миром в «Нищете философии» Маркса и в «Коммунистическом манифесте», пережило более чем двадцатилетний инкубационный период, пока с появлением «Капитала» оно не стало захватывать с возрастающей быстротой все более и более широкие круги.⁹ В настоящее время оно вызывает к себе большое внимание и имеет последователей не только в Европе, но и далеко за ее пределами, во всех странах, где, с одной стороны, имеются пролетарии, а с другой – бесстрашные ученые-теоретики. Таким образом, существует, по-видимому, публика, интересующаяся существом дела настолько, чтобы ради положительного содержания книги примириться с полемикой против дюринговских положений, которая теперь стала уже во многих отношениях беспредметной.

Замечу мимоходом, что так как излагаемое в настоящей книге миропонимание в значительнейшей своей части было обосновано и развито Марксом и только в самой незначительной части мной, то для нас было чем-то само собой разумеющимся, что это мое сочинение не могло появиться без его ведома. Я прочел ему всю рукопись перед тем, как отдать ее в печать, а десятая глава отдела, трактующего о политической экономии («Из «Критической истории»»), написана Марксом, и только по внешним соображениям мне пришлось, к сожалению, несколько сократить ее. Таков уж был издавна наш обычай: помогать друг другу в специальных областях.

Настоящее новое издание представляет собой, за исключением одной главы, перепечатку – в неизменном виде – первого издания. С одной стороны, у меня не было времени для основательного пересмотра его, как бы я сам ни желал изменить кое-что в изложении. Дело в том, что на мне лежит долг подготовить к печати оставшиеся рукописи Маркса, а это гораздо важнее, чем все прочее. Кроме того, совесть моя восстает против каких-либо изменений текста. Сочинение мое – полемическое, и я считаю, что по отношению к своему противнику я обязан не исправлять ничего там, где он ничего не может исправить. Я мог бы только претендовать на право выступить с возражениями на ответ г-на Дюринга. Но я не читал и без особой надобности не стану читать того, что г-н Дюринг писал по поводу моей полемики: теоретические счеты с ним я покончил. К тому же я тем более должен соблюдать по отношению к нему все правила чести, принятые в литературной борьбе, что после начала публикации моей работы Берлинский университет поступил с ним постыдно несправедливо. Правда, университет был за это достаточно наказан. Университет, который идет на то, чтобы, при известных всем обстоятельствах, лишить г-на Дюринга свободы преподавания, не вправе удивляться, если ему, при столь же известных всем обстоятельствах, навязывают г-на Швенингера.¹⁰

Единственная глава, в которой я позволил себе сделать добавления пояснительного характера, это вторая глава третьего отдела: «Очерк теории». Здесь, где речь идет исключи-

⁹ К. Marx. «Misere de la philosophie». Paris – Bruxelles, 1847. См. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185. // «Manifest der Kommunistischen Partei». London, 1848. См. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459. В 1872 г. «Манифест Коммунистической партии» был переиздан под заглавием «Коммунистический манифест». // К. Marx. «Das Kapital». Bd. I, Hamburg, 1867. См. настоящее издание, т. 23.

¹⁰ Дюринг (с 1863 г. он был приват-доцентом Берлинского университета, а с 1873 г. – доцентом в частном женском лицее) в своих сочинениях, начиная с 1872 г., выступал с резкими нападками на университетских профессоров. Так, например, уже в первом издании «Критической истории общих принципов механики» (1872 г.) он обвинил Г. Гельмгольца в намеренном замалчивании работ Р. Майера. Дюринг выступил также с резкой критикой университетских порядков. За эти свои выступления Дюринг подвергся преследованиям со стороны реакционной профессуры. По инициативе университетских профессоров в 1876 г. он был лишен возможности читать лекции в женском лицее. Во втором издании истории механики (1877 г.) и в книжке о женском образовании (1877 г.) Дюринг повторил свои обвинения в еще более резкой форме. В июле 1877 г. по требованию философского факультета он был лишен права преподавания в университете. Увольнение Дюринга вызвало шумную кампанию протеста со стороны его сторонников; этот акт произвола встретил осуждение и в широких демократических кругах. // Э. Швенингер, который с 1881 г. являлся личным врачом Бисмарка, в 1884 г. был назначен профессором Берлинского университета.

тельно об изложении одного из основных пунктов защищаемого мной воззрения, мой противник не может сетовать на меня за то, что я старался писать более популярно и делал кое-какие дополнения. К тому же для этого имелся и внешний повод. Три главы книги (первую главу «Введения» и первую и вторую главы третьего отдела) я переработал в самостоятельную брошюру для моего друга Лафарга, с тем чтобы издать ее во французском переводе, и после того как французское издание послужило основой для итальянского и польского, я выпустил немецкое издание под названием «Развитие социализма от утопии к науке». Эта брошюра в течение нескольких месяцев выдержала три издания и появилась также в русском и датском переводах.¹¹ Во всех этих изданиях дополнена была только указанная выше глава, и с моей стороны было бы педантизмом при новом издании оригинала связывать себя первоначальным текстом, раз существует позднейший текст его, ставший международным.

То, что мне хотелось бы еще изменить, относится главным образом к двум пунктам. Во-первых, к первобытной истории человечества, ключ к пониманию которой Морган дал нам только в 1877 году.¹² Но так как с тех пор я имел случай в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Цюрих, 1884)¹³ использовать ставший мне доступным за это время материал, то достаточно будет указания на эту более позднюю работу.

А во-вторых, мне хотелось бы изменить ту часть, которая трактует о теоретическом естествознании. Здесь много неуклюжего в изложении, и кое-что можно было бы выразить в настоящее время более ясно и определенно. И если я не считаю себя вправе вносить в данном случае улучшения, то именно поэтому я обязан подвергнуть здесь критике самого себя.

Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории. Но для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием. Маркс был основательным знатоком математики, но естественными науками мы могли заниматься только нерегулярно, урывками, спорадически. Поэтому, когда я, покинув коммерческое дело и переселившись в Лондон,¹⁴ приобрел необходимый для этого досуг, то, насколько это для меня было возможно, подверг себя в области математики и естествознания процессу полного «линяния», как выражается Либих,¹⁵ и в течение восьми лет затратил на это большую часть своего времени. Как раз в самый разгар этого процесса линяния мне пришлось заняться так называемой натурфилософией г-на Дюринга. Поэтому, если мне иной раз не удастся подобрать надлежащее техническое выражение и если я вообще несколько неповоротлив в области теоретического

¹¹ Первоначально французский перевод работы Энгельса, сделанный Лафаргом, под названием «Socialisme utopique et socialisme scientifique» («Утопический социализм и научный социализм»), был опубликован в журнале «Revue socialiste» № 3–5 в марте – мае 1880 года; отдельное издание брошюры вышло в Париже в том же году. Польское издание брошюры вышло в Женеве в 1882, а итальянское – в Беневенто в 1883 году. Первое немецкое издание работы, под названием «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft» («Развитие социализма от утопии к науке»), вышло в Хоттингене-Цюрихе в 1882, стереотипные второе и третье – там же в 1883 году. На русском языке работа Энгельса была впервые опубликована, под названием «Научный социализм», в нелегальном журнале «Студенчество» № 1 в декабре 1882 года; отдельное издание брошюры, под названием «Развитие научного социализма», было выпущено группой «Освобождение труда» в Женеве в 1884 году. Перевод на датский язык был издан в Копенгагене в 1885 году.

¹² Энгельс имеет в виду основной труд Л. Г. Моргана «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации», изданный в Лондоне в 1877 году.

¹³ F. Engels. «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats». Hottingen-Zurich, 1884. См. настоящее издание, т. 21, стр. 23–178.

¹⁴ Энгельс прекратил работу в манчестерской торговой фирме 1 июля 1869 г. и переселился в Лондон 20 сентября 1870 года.

¹⁵ Во введении к своей основной работе по агрохимии Ю. Либих, говоря о развитии своих научных взглядов, замечает: «Химия делает невероятно быстрые успехи, и химики, желающие поспевать за ней, находятся в состоянии непрерывного линяния. Старые перья, негодные для полета, выпадают из крыльев, но взамен их вырастают новые, и полет становится мощнее и легче». См. J. Liebig. «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agri-cultur und Physiologie». 7. Aufl., Braunschweig, 1862, Th. I, S. 26 (Ю. Либих. «Химия в приложении к земледелию и физиологии». 7 изд., Брауншвейг, 1862, ч. I, стр. 26).

естествознания, то это вполне естественно. Но, с другой стороны, сознание того, что я еще недостаточно овладел материалом, сделало меня осторожным; никому не удастся найти у меня действительных прегрешений против известных в то время фактов, а также и неправильностей в изложении принятых в то время теорий. В этом отношении только один непризнанный великий математик письменно жаловался Марксу, будто я дерзновенно затронул честь V—1.¹⁶

Само собой разумеется, что при этом моем подытоживании достижений математики и естественных наук дело шло о том, чтобы и на частностях убедиться в той истине, которая в общем не вызывала у меня никаких сомнений, а именно, что в природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий, – те самые законы, которые, проходя красной нитью и через историю развития человеческого мышления, постепенно доходят до сознания мыслящих людей. Законы эти были впервые развиты всеобъемлющим образом, но в мистифицированной форме, Гегелем. И одним из наших стремлений было извлечь их из этой мистической формы и ясно представить во всей их простоте и всеобщности. Само собой разумеется, что старая натурфилософия, – как бы много действительно хорошего в ней ни было и сколько бы плодотворных зачатков она ни содержала, – не могла нас удовлетворить. Как это более подробно показывается в настоящей книге, натурфилософия, особенно в ее гегелевской форме, грешила в том отношении, что она не признавала у природы никакого развития во времени, никакого следования «одного за другим», а признавала только сосуществование «одного рядом с другим». Такой взгляд коренился, с одной стороны, в самой системе Гегеля, которая приписывала прогрессивное историческое развитие только «духу», с другой же стороны – в тогдашнем общем состоянии естественных наук. Таким образом, Гегель в этом случае оказался значительно позади Канта, который своей небулярной теорией уже выдвинул положение о возникновении солнечной системы, а открытием замедляющего влияния морских приливов на вращение Земли указал на неизбежную гибель этой системы.¹⁷ Наконец, для меня дело могло идти не о том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а о том, чтобы отыскать их в ней и вывести их из нее.

Однако выполнить это систематически и в каждой отдельной области представляет гигантский труд. Дело не только в том, что подлежащая овладению область почти необъятна, но и в том, что само естествознание во всей этой области охвачено столь грандиозным процессом радикального преобразования, что за ним едва может уследить даже тот, кто располагает для этого всем своим свободным временем. Между тем, с тех пор, как умер Карл Маркс, все мое время было поглощено более настоятельными обязанностями, и я должен был поэтому прервать свою работу в области естествознания. В данный момент я вынужден ограничиться набросками, содержащимися в предлагаемой работе, и ждать в будущем случая, который позволил бы мне собрать и опубликовать добытые результаты, – быть может, вместе с оставшимися после Маркса рукописями по математике, имеющими в высшей степени важное значение.¹⁸

Но может статься, что прогресс теоретического естествознания сделает мой труд, в большей его части или целиком, излишним, так как революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накапливающихся чисто эмпирических открытий, должна даже самого упрямого эмпирика все более и более подводить

¹⁶ Имеется в виду письмо немецкого социал-демократа Г. В. Фабиана Марксу от 6 ноября 1880 г. (ср. письма Энгельса Каутскому от 11 апреля 1884 г., Бернштейну от 13 сентября 1884 г. и Зорге от 3 июня 1885 года). О V—1 Энгельс говорит в XII главе первого отдела «Анти-Дюринга» (см. настоящий том, стр. 124–125).

¹⁷ О небулярной гипотезе Канта см. примечание 31 // О кантовской теории приливного трения см. в «Диалектике природы» главу «Приливное трение» (настоящий том, стр. 423–427) и примечание 334.

¹⁸ Речь идет о «Диалектике природы» Энгельса и о математических рукописях Маркса. Рукописи Маркса по математике, объемом свыше 1000 листов, относятся к концу 50-х – началу 80-х годов XIX века; частично они были опубликованы в журнале «Под знаменем марксизма», 1933, № 1, стр. 15–73.

к осознанию диалектического характера процессов природы. Прежние неизменные противоположности и резкие, непреходимые разграничительные линии все более и более исчезают. С тех пор, как было достигнуто сжижение последних «истинных» газов, как было установлено, что тело может быть приведено в такое состояние, в котором капельножидкая и газообразная формы неразличимы, – агрегатные состояния потеряли последний остаток своего прежнего абсолютного характера.¹⁹ Когда кинетической теорией газов было установлено, что в совершенных газах квадраты скоростей, с которыми движутся отдельные газовые молекулы, обратно пропорциональны, при одинаковой температуре, молекулярному весу, – теплота тоже перешла прямо в разряд таких форм движения, которые поддаются измерению непосредственно как формы движения. Если еще десять лет тому назад новооткрытый великий основной закон движения понимался лишь как закон *сохранения* энергии, лишь как выражение того, что движение не может быть уничтожено и создано, т. е. понимался только с количественной стороны, то это узкое, отрицательное выражение все более вытесняется положительным выражением в виде закона *превращения* энергии, где впервые вступает в свои права качественное содержание процесса и стирается последнее воспоминание о внемировом творце. Теперь уже не нужно проповедовать как нечто новое, что количество движения (так называемой энергии) не изменяется, когда оно из кинетической энергии (так называемой механической силы) превращается в электричество, теплоту, потенциальную энергию положения и т. д., и обратно; мысль эта служит добытой раз навсегда основой гораздо более содержательного отныне исследования самого процесса превращения, того великого основного процесса, в познании которого находит свое обобщение все познание природы. А с тех пор, как биологию стали разрабатывать в свете эволюционной теории, в области органической природы также начали исчезать одна за другой застывшие разграничительные линии классификации; с каждым днем множатся почти не поддающиеся классификации промежуточные звенья, более точное исследование перебрашивает организмы из одного класса в другой, и отличительные признаки, ставшие почти символом веры, теряют свое безусловное значение: мы знаем теперь, что существуют млекопитающие, кладущие яйца, и если подтвердится сообщение, то существуют и птицы, ходящие на четырех ногах.²⁰ Если уже много лет назад Вирхов вынужден был вследствие открытия клетки разложить единство животного индивида на федерацию клеточных государств, – что имело скорее прогрессистский, чем естественнонаучный и диалектический характер,²¹ – то понятие животной (а следовательно, и человеческой) индивидуальности становится еще гораздо более сложным в результате открытия белых кровяных клеток, амeboобразно передвигающихся в организме высших животных. Между тем именно эти, считавшиеся непримиримыми и неразрешимыми, полярные противоположности, эти насильственно фиксированные разграничительные линии и отличительные признаки классов и придавали современному теоретическому естествознанию его ограниченно-метафизический характер. Центральным пунктом диалектического понимания природы является уразумение того, что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, их воображаемая неподвижность и абсолютное значение привнесены в природу только нашей

¹⁹ Энгельс имеет в виду работы английского физика Т. Эндрюса (1869), французского физика Л. П. Кайете и швейцарского физика Р. П. Пикте (1877).

²⁰ Имеются в виду: в первом случае – утконос, во втором, – очевидно археоптерикс.

²¹ Согласно концепции Р. Вирхова, изложенной в его книге «Целлюлярная патология», первое издание которой вышло в 1858 г., – животный индивид распадается на ткани, ткани – на клеточные территории, клеточные территории – на отдельные клетки, так что в конечном счете животный индивид представляет собой механическую сумму отдельных клеток (см. R. Virchow. «Die Cellularpathologie». 4. Aufl., Berlin, 1871, S. 17). // Говоря о «прогрессистском» характере этой концепции, Энгельс намекает на принадлежность Вирхова к немецкой буржуазной прогрессистской партии, одним из основателей и видных деятелей которой был Вирхов. Эта партия была организована в июне 1861 года. В ее программе были выставлены, в частности, такие требования, как объединение Германии под главенством Пруссии и осуществление принципа местного самоуправления.

рефлексией. К диалектическому пониманию природы можно прийти, будучи вынужденным к этому накапливающимися фактами естествознания; но его можно легче достигнуть, если к диалектическому характеру этих фактов подойти с пониманием законов диалектического мышления. Во всяком случае естествознание подвинулось настолько, что оно не может уже избежать диалектического обобщения. Но оно облегчит себе этот процесс, если не будет забывать, что результаты, в которых обобщаются данные его опыта, суть понятия и что искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления, которое тоже имеет за собой долгую эмпирическую историю, столь же длительную, как и история эмпирического исследования природы. Когда естествознание научится усваивать результаты, достигнутые развитием философии в течение двух с половиной тысячелетий, оно именно благодаря этому избавится, с одной стороны, от всякой особой, вне его и над ним стоящей натурфилософии, с другой – от своего собственного, унаследованного от английского эмпиризма, ограниченного метода мышления.
Лондон, 23 сентября 1885 г.

III

Настоящее новое издание, за исключением некоторых очень незначительных стилистических изменений, является перепечаткой предыдущего. Только в одной главе, десятой главе второго отдела («Из «Критической истории»»), я позволил себе сделать существенные добавления, исходя из следующих соображений.

Как уже упомянуто в предисловии ко второму изданию, все существенное в этой главе принадлежит Марксу. В ее первой редакции, предназначенной для газетной статьи, я вынужден был значительно сократить рукопись Маркса и как раз в тех частях, где критика дюринговских положений отступает на задний план по сравнению с изложением собственных взглядов Маркса в области истории политической экономии. Между тем именно эта часть рукописи еще и в настоящее время представляет величайший и непреходящий интерес. Я считаю своим долгом привести как можно более полно и дословно те рассуждения Маркса, в которых он отводит таким людям, как Петти, Норс, Локк, Юм, подобающее им место в процессе возникновения классической политической экономии; еще более необходимым я считаю привести данное Марксом объяснение «Экономической таблицы» Кенэ, этой загадки сфинкса, которая оставалась неразрешимой для всей современной политической экономии. Напротив, то, что относилось исключительно к произведениям г-на Дюринга, я опустил, насколько это было возможно без нарушения общей связи изложения.

В заключение я могу выразить свое полное удовлетворение по поводу того, что взгляды, отстаиваемые в настоящем сочинении, получили со времени предыдущего его издания широкое распространение в общественном сознании научных кругов и рабочего класса – и притом во всех цивилизованных странах мира.

Лондон, 23 мая 1894 г.

Ф. Энгельс

ВВЕДЕНИЕ

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Первая статья «Анти-Дюринга» в газете «Vorwärts» от 3 января 1877 года Современный социализм по своему содержанию является прежде всего результатом наблюдения, с одной стороны, господствующих в современном обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, наемными рабочими и буржуа, а с другой – царящей в производстве анархии. Но по своей теоретической форме он выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века.²²

Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в экономических фактах.

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову,²³ сначала в том смысле, что человеческая голова и те

²² В черновом наброске «Введения» это место было дано в следующей редакции: «Современный социализм, хотя он по существу дела возник из наблюдения существующих в обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, рабочими и эксплуататорами, но по своей теоретической форме он выступает сначала как более последовательное, дальнейшее развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, – ведь первые представители этого социализма, Морелли и Мабли, также принадлежали к числу просветителей». Ред.

²³ К этому месту Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» дает примечание, в котором приводится соответствующая цитата из произведения Гегеля «Философия истории», ч. IV, отд. III, гл. 3. См. G. W. F. Hegel. «Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte»; Werke, Bd. IX, 2. Aufl., Berlin, 1840, S. 535–536 (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по философии истории»;

положения, которые она открыла посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, и отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума, – общественный договор Руссо,²⁴ – оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха.

Но наряду с противоположностью между феодальным дворянством и буржуазией существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками. Именно это обстоятельство и дало возможность представителям буржуазии выступать в роли представителей не какого-либо отдельного класса, а всего страждущего человечества. Более того. Буржуазия с момента, своего возникновения была обременена своей собственной противоположностью: капиталисты не могут существовать без наемных рабочих, и соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев. И хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение Томаса Мюнцера во время Реформации и Крестьянской войны в Германии, левеллеров²⁵ – во время великой английской революции, Бабёфа – во время великой французской революции. Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы в XVI и XVII веках утопические изображения идеального общественного строя,²⁶ а в XVIII веке – уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное

Сочинения, т. IX, 2 изд., Берлин, 1840, стр. 535–536).

²⁴ Согласно теории Руссо, первоначально люди жили в условиях естественного состояния, где все были равны. Возникновение частной собственности и развитие имущественного неравенства обусловило переход людей из естественного в гражданское состояние и привело к образованию государства, основанного на общественном договоре. Однако в дальнейшем развитие политического неравенства приводит к нарушению общественного договора и к возникновению нового состояния бесправия. Устранить это последнее призвано разумное государство, основанное на новом общественном договоре. // Эта теория разработана в сочинениях Руссо: «Discours sur l'origine et les fondemens de l'inegalite parmi les hommes». Amsterdam, 1755 («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Амстердам, 1755) и «Du contract social; ou, Principes du droit politique». Amsterdam, 1762 («Об общественном договоре, или Принципы политического права». Амстердам, 1762).

²⁵ Энгельс имеет в виду «истинных левеллеров» («истинных уравнивателей»), или «дигтеров» («копателей») – представителей крайнего левого течения в период английской буржуазной революции XVII века. «Дигтеры», выражавшие интересы беднейших слоев деревни и города, выдвигали требование ликвидации частной собственности на землю, пропагандировали идеи примитивного уравнительного коммунизма и пытались осуществить их на практике путем коллективной распашки общинных земель.

²⁶ Энгельс имеет в виду, прежде всего, произведения представителей утопического коммунизма – Т. Мора («Утопия», издано в 1516 г.) и Т. Кампанеллы («Город Солнца», издано в 1623 г.).

положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм был первой формой проявления нового учения. Потом явились три великих утописта: Сен-Симон, у которого рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное, Фурье и Оуэн, который в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных им противоположностей разработал свои предложения по устранению классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму.

Общим для всех троих является то, что они не выступают как представители интересов исторически порожденного к тому времени пролетариата. Подобно просветителям, они хотят освободить все человечество, а не какой-либо определенный общественный класс. Как и те, они хотят установить царство разума и вечной справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума у просветителей. Буржуазный мир, построенный согласно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все прежние общественные порядки. Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были еще надлежащим образом познаны. Не было просто того гениального человека, который явился теперь и который познал истину. Что он теперь появился, что истина познана именно теперь, – это вовсе не является необходимым результатом общего хода исторического развития, неизбежным событием, а представляет собой просто счастливую случайность. Этот гениальный человек мог бы с таким же успехом родиться пятьсот лет тому назад и тогда он избавил бы человечество от пяти веков заблуждений, борьбы и страданий.

Этот способ понимания глубоко характерен для всех английских, французских и первых немецких социалистов, включая Вейтлинга. Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять-таки различны у каждого основателя школы; особый вид абсолютной истины, разума и справедливости у каждого основателя школы обусловлен опять-таки его субъективным рассудком, жизненными условиями, объемом познаний и степенью развития мышления. Поэтому при столкновении подобных абсолютных истин разрешение конфликта возможно лишь путем сглаживания их взаимных противоречий. Из этого не могло получиться ничего, кроме некоторого рода эклектического среднего социализма, который действительно господствует до сих пор в головах большинства социалистов-рабочих Франции и Англии. Этот эклектический социализм представляет собой смесь из более умеренных критических замечаний, экономических положений и представлений различных основателей сект о будущем обществе, – смесь, которая допускает крайне разнообразные оттенки и которая получается тем легче, чем больше ее отдельные составные части утрачивают в потоке споров, как камешки в ручье, свои острые углы и грани. Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву.

Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за ней возникла новейшая немецкая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, самая универсальная голова среди них, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления.²⁷ Новая

²⁷ В черновом наброске «Введения» это место было сформулировано следующим образом: «Древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, Гегель древнего мира, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления». Ред.

философия, хотя и в ней диалектика имела блестящих представителей (например, Декарт и Спиноза), напротив, все более и более погрязала, особенно под влиянием английской философии, в так называемом метафизическом способе мышления, почти исключительно овладевшем также французами XVIII века, по крайней мере в их специально философских трудах. Однако вне пределов философии в собственном смысле слова они смогли оставить нам высокие образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро²⁸ и «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми» Руссо. – Остановимся здесь вкратце на существовании обоих методов мышления; нам еще придется более подробно заняться этим вопросом.

Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает. Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения тех частных, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д. В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования, т. е. тех отраслей науки, которые по вполне понятным причинам занимали у греков классических времен лишь подчиненное место, потому что грекам нужно было раньше всего другого накопить необходимый материал. Начатки точного исследования природы получили дальнейшее развитие впервые лишь у греков александрийского периода,²⁹ а затем, в средние века, у арабов. Настоящее же естествознание начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам – все это было основным условием тех исполинских успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет. Но тот же способ изучения оставил нам вместе с тем и привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого – не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий – метафизический способ мышления.

Для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, Суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями, речь его состоит из: «да – да, нет – нет; что сверх того, то от лукавого».³⁰ Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и

²⁸ Диалог Д. Дидро «Племянник Рамо» («Le neveu de Rameau») был написан около 1762 г. и впоследствии дважды перерабатывался автором. Впервые он был издан, в немецком переводе Гёте, в Лейпциге в 1805 году. Подлинное французское издание было осуществлено в книге «Oeuvres inedites de Diderot». Paris, 1821 («Неизданные произведения Дидро»). Париж, 1821), вышедшей в свет фактически в 1823 году.

²⁹ Александрийский период развития науки относится ко времени от III века до н. э. по VII век н. э. Он получил свое название от египетского города Александрии (на побережье Средиземного моря), являвшегося одним из крупнейших центров международных хозяйственных сношений того времени. В александрийский период получил большое развитие ряд наук: математика и механика (Эвклид и Архимед), география, астрономия, анатомия, физиология и др.

³⁰ Библия, Евангелие от Матфея, глава 5, стих 37.

в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд вполне приемлемым потому, что он присущ так называемому здравому человеческому рассудку. Но здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический способ понимания, хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием – их возникновение и исчезновение, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса. В обыденной жизни, например, мы знаем и можем с уверенностью сказать, существует ли то или иное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложное дело, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы найти рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством. Невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология доказывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс. Равным образом и всякое органическое существо в каждое данное мгновение является тем же самым и не тем же самым; в каждое мгновение оно перерабатывает получаемые им извне вещества и выделяет из себя другие вещества, в каждое мгновение одни клетки его организма отмирают, другие образуются; по истечении более или менее длительного периода времени вещество данного организма полностью обновляется, заменяется другими атомами вещества. Вот почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. При более точном исследовании мы находим также, что оба полюса какой-нибудь противоположности – например, положительное и отрицательное – столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг друга. Мы видим далее, что причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот.

Все эти процессы и все эти методы мышления не укладываются в рамки метафизического мышления. Для диалектики же, для которой существенно то, что она берет вещи и их умственные отражения в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении, – такие процессы, как вышеуказанные, напротив, лишь подтверждают ее собственный метод исследования. Природа является пробным камнем для диалектики, и надо сказать, что современное естествознание доставило для такой пробы чрезвычайно богатый, с каждым днем увеличивающийся материал и этим материалом доказало, что в природе все совершается в конечном счете диалектически, а не метафизически. Но так как и до сих пор можно по пальцам перечислить естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически, то этот конфликт между достигнутыми результатами и укоренившимся способом мышления вполне объясняет ту безграничную путаницу, которая господствует теперь в теоретическом естествознании и одинаково приводит в отчаяние как учителей, так и учеников, как писателей, так и читателей.

Итак, точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и

исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. Именно в этом духе и выступила сразу же новейшая немецкая философия. Кант начал свою научную деятельность с того, что он превратил Ньютонову солнечную систему, вечную и неизменную, – после того как был однажды дан пресловутый первый толчок, – в исторический процесс: в процесс возникновения Солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. При этом он уже пришел к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущую неизбежную гибель. Спустя полстолетия его взгляд был математически обоснован Лапласом, а еще полустолетием позже спектроскоп доказал существование в мировом пространстве таких раскаленных газовых масс различных степеней сгущения.³¹

Свое завершение эта новейшая немецкая философия нашла в системе Гегеля, великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития.³² С этой точки зрения история человечества уже перестала казаться диким хаосом бессмысленных насилий, в равной мере достойных – перед судом созревшего ныне философского разума – лишь осуждения и скорейшего забвения; она, напротив, предстала как процесс развития самого человечества, и задача мышления свелась теперь к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей.

Для нас здесь безразлично, что Гегель не разрешил этой задачи. Его историческая заслуга состояла в том, что он поставил ее. Задача же эта такова, что она никогда не может быть разрешена отдельным человеком. Хотя Гегель, наряду с Сен-Симоном, был самым универсальным умом своего времени, но он все-таки был ограничен, во-первых, неизбежными пределами своих собственных знаний, а во-вторых, знаниями и воззрениями своей эпохи, точно так же ограниченными в отношении объема и глубины. Но к этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями, более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля, лишь воплотившимися отражениями какой-то «идеи», существовавшей где-то еще до возникновения мира. Тем самым все было поставлено на голову, и действительная связь мировых явлений была совершенно извращена. И как бы верно и гениально ни были схвачены Гегелем некоторые отдельные связи явлений, все же многое и в частности его системы должно было по упомянутым причинам оказаться натянутым, искусственным, надуманным, словом – извращенным. Гегелевская система как таковая была колоссальным недонесением, но

³¹ Небулярная гипотеза Канта, согласно которой солнечная система развилась из первоначальной туманности (лат. nebula – туман), изложена в его сочинении «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt». Königsberg und Leipzig, 1755 («Всеобщая естественная история и теория неба, или Опыт изложения устройства и механического происхождения всего мироздания по принципам Ньютона». Кенигсберг и Лейпциг, 1755). Книга была издана анонимно. // Гипотеза Лапласа об образовании солнечной системы была впервые изложена в последней главе его сочинения «Exposition du système du monde». Т. I–II, Paris, l'an IV de la République Française (1796) («Изложение системы мира». Тт. I–II, Париж, IV год Французской Республики (1796)). В последнем подготовленном при жизни Лапласа, шестом издании книги, вышедшем уже после смерти автора, в 1835 г., изложение гипотезы было дано в виде последнего, VII примечания к сочинению. // Существование в мировом пространстве раскаленных газовых масс, подобных первоначальной туманности, которая предполагалась небулярной гипотезой Канта – Лапласа, – спектроскопическим путем доказал в 1864 г. английский астроном У. Хэггинс, который широко применил в астрономии созданный в 1859 г. Г. Кирхгофом и Р. Бунзеном спектральный анализ. Энгельс использовал здесь книгу А. Секки «Солнце» (см. A. Secchi. «Die Sonne». Braunschweig, 1872, S. 787, 789–790; ср. настоящий том, стр. 592).

³² В черновом наброске «Введения» гегелевская философия характеризуется следующим образом: «Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку философия мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия. Остались только диалектический способ мышления и понимание всего природного, исторического и интеллектуального мира как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Теперь не только перед философией, но и перед всеми науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области. И в этом заключалось наследие, оставленное гегелевской философией своим преемником». Ред.

зато и последним в своем роде. А именно, она еще страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, ее существенной предпосылкой было воззрение на человеческую историю как на процесс развития, который по самой своей природе не может найти умственного завершения в открытии так называемой абсолютной истины; но с другой стороны, его система претендует быть именно завершением этой абсолютной истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи с каждым поколением.

Уразумение того, что существующий немецкий идеализм совершенно ложен, неизбежно привело к материализму, но, следует заметить, не просто к метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно революционному, простому отбрасыванию всей прежней истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса. Как у французов XVIII века, так и у Гегеля господствовало представление о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одних и тех же ограниченных кругах, с вечными небесными телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней; в противоположность этому представлению о природе современный материализм обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела возникают и исчезают, как и все те виды организмов, которые при благоприятных условиях населяют эти тела, а круговороты, поскольку они вообще могут иметь место, приобретают бесконечно более грандиозные размеры. В обоих случаях современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории.

Но в то время как указанный переворот в воззрениях на природу мог совершаться лишь по мере того, как исследования доставляли соответствующий положительный материал для познания, – уже значительно раньше совершились исторические события, вызвавшие решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того, как там развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой – недавно завоеванное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благоденствии народа как следствии свободной конкуренции³³. Невозможно уже было не считаться со всеми этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, хотя и крайне несовершенным, выражением. Но старое, еще не вытесненное, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах,

³³ В черновом наброске «Введения» далее следовало: «Во Франции лионское восстание 1834 г. также провозгласило борьбу пролетариата против буржуазии. Английские и французские социалистические теории приобрели историческое значение и не могли не вызвать отзыв и критику также и в Германии, хотя там производство едва лишь начинало выходить из рамок мелкого хозяйства. Теоретический социализм, образовавшийся теперь не столько в Германии, сколько среди немцев, должен был, следовательно, импортировать весь свой материал...». Ред.

и вообще никаких материальных интересов; производство и все экономические отношения упоминались лишь между прочим, как второстепенные элементы «истории культуры». Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что *вся* прежняя история была историей борьбы классов,³⁴ что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом – *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода. Тем самым идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, было дано материалистическое понимание истории и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания.

Но прежний социализм был так же несовместим с этим материалистическим пониманием истории, как несовместимо было с диалектикой и с новейшим естествознанием понимание природы французскими материалистами. Прежний социализм, хотя и критиковал существующий капиталистический способ производства и его последствия, но он не мог объяснить его, а следовательно, и справиться с ним, – он мог лишь просто объявить его никуда не годным. Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой – в том, чтобы обнажить также внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства, так как прежняя критика направлялась больше на вредные последствия, чем на само капиталистическое производство. Это было сделано благодаря открытию *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоение неоплаченного труда есть основная форма капиталистического способа производства и осуществляемой им эксплуатации рабочих; что даже в том случае, когда капиталист покупает рабочую силу по полной стоимости, какую она в качестве товара имеет на товарном рынке, он все же выколачивает из нее стоимость больше той, которую он заплатил за нее, и что эта прибавочная стоимость в конечном счете и образует ту сумму стоимости, из которой накапливается в руках имущих классов постоянно возрастающая масса капитала. Таким образом, было объяснено, как совершается капиталистическое производство и как производится капитал.

Этими двумя великими открытиями – материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости – мы обязаны *Марксу*. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях.

Приблизительно так обстояли дела в области теоретического социализма и ныне покойной философии, когда г-н Евгений Дюринг с изрядным шумом выскочил на сцену и возвестил о произведенном им полном перевороте в философии, политической экономии и социализме.

Посмотрим же, что обещает нам г-н Дюринг и... как он выполняет свои обещания.

II. ЧТО ОБЕЩАЕТ Г-Н ДЮРИНГ

Ближайшее отношение к нашему вопросу имеют следующие сочинения г-на Дюринга – его «Курс философии», «Курс политической и социальной экономии» и «Критическая исто-

³⁴ Уже в первое немецкое издание «Развития социализма от утопии к науке» (1882) Энгельс внес существенное уточнение, сформулировав данное положение следующим образом: «*вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов».

рия политической экономии и социализма».³⁵ Для начала нас интересует главным образом его первое сочинение.

На первой же странице г-н Дюринг возвещает о себе, что он «тот, кто *выступает с притязанием на представительство* этой силы» (философии) «для своего времени и для ближайшего обозримого развития».³⁶

Он провозглашает себя, таким образом, единственным истинным философом настоящего времени и «обозримого» будущего. Кто расходится с г-ном Дюрингом, тот расходится с истиной. Немало людей, еще до г-на Дюринга, *думали о себе* в таком же духе, но, за исключением Рихарда Вагнера, он, пожалуй, первый, кто, нисколько не смущаясь, говорит так о самом себе. И притом истина, о которой у него идет речь, это – «окончательная истина в последней инстанции».

Философия г-на Дюринга есть «естественная система, или *философия действительности*... Действительность мыслится в этой системе таким способом, который *исключает всякое поползновение к* какому-либо мечтательному и субъективно ограниченному представлению о мире».

Таким образом, философия эта такого свойства, что она выводит г-на Дюринга за границы его личной, субъективной ограниченности, которых он сам не может отрицать. Это, разумеется, необходимо, чтобы он мог устанавливать окончательные истины в последней инстанции, хотя мы все еще не уразумели, как должно совершиться это чудо.

Эта «естественная система знания, самого по себе ценного для духа», «*установила основные формы бытия, нисколько не жертвуя глубиной мысли*». Со своей «действительно критической точки зрения» она предлагает нашему вниманию «элементы действительной философии, сообразно с этим направленной на действительность природы и жизни, – философии, которая не признаёт никакого просто видимого горизонта, но *в своем производящем мощнейшем перевороте движения развертывает все земли и все небеса внешней и внутренней природы*». Эта система есть «новый способ мышления», и его результаты представляют собой «своеобразные в самой основе выводы и воззрения... системосозидающие идеи... твердо установленные истины». Здесь мы имеем перед собой «труд, который должен черпать свою силу в концентрированной инициативе» (что бы сие ни означало)... «исследование, *проникающее до самых корней... коренную науку... строго научное* понимание вещей и людей... работу мысли, *всесторонне пронизывающую свой предмет... творческое* развертывание предпосылок и выводов, доступных власти мысли... нечто *абсолютно фундаментальное*».

В экономическо-политической области он не только дает нам «исторически и систематически охватывающие предмет труды», из которых исторические работы вдобавок отмечены еще «*моей историографией в высоком стиле*» и которые в экономической науке проложили пути к «творческим поворотам», но, кроме того, он заканчивает собственным, вполне разработанным социалистическим планом будущего общества, который представляет собой «практический плод *ясной и до последних корней проникающей* теории», а потому этот план является столь же непогрешимым и едино-спасающим, как и философия г-на Дюринга; ибо «*только в той* социалистической системе, которую я охарактеризовал в моем «Курсе политической и социальной экономии», истинно собственное может занять место только кажущейся и предвзвешенной или же насильственной собственности». И с этим должно сообразоваться будущее.

³⁵ E. Dühring. «Cursus der Philosophie als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung». Leipzig, 1875 (E. Дюринг. «Курс философии как строго научного мировоззрения и жизнеформирования». Лейпциг, 1875). // E. Dühring. «Cursus der National- und Socialökonomie einschliesslich der Hauptpunkte der Finanzpolitik». 2. Aufl., Leipzig, 1876 (E. Дюринг. «Курс политической и социальной экономии, включая основные вопросы финансовой политики». 2 изд., Лейпциг, 1876). Первое издание книги вышло в Берлине в 1873 году. // E. Dühring. «Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus». 2. Aufl., Berlin, 1875 (E. Дюринг. «Критическая история политической экономии и социализма». 2 изд., Берлин, 1875). Первое издание книги вышло в Берлине в 1871 году.

³⁶ Курсив во всех цитатах из сочинений Дюринга принадлежит Энгельсу. Ред.

Этот букет восхвалений, который г-н Дюринг преподносит г-ну Дюрингу, легко мог бы быть увеличен в десять раз. Но приведенного достаточно, чтобы уже теперь возбудить в читателе некоторые сомнения относительно того, действительно ли он имеет дело с философом или же всего лишь с... – мы должны, однако, просить читателя отложить свой приговор до более подробного ознакомления с вышеотмеченной способностью проникновения до последних корней. Мы даем этот букет только для того, чтобы показать, что перед нами не обыкновенный философ и социалист, высказывающий просто свои мысли и предоставляющий истории решить вопрос об их ценности, а совершенно необыкновенное существо, претендующее не менее как на папскую непогрешимость, – человек, едино-спасающее учение которого придется просто-напросто принять, если не желаешь впасть в преступнейшую ересь. Таким образом, мы отнюдь не имеем здесь дело с одной из тех работ, какими изобилует социалистическая литература всех стран, в последнее время и немецкая, – работ, где люди разного калибра самым искренним образом стараются уяснить себе вопросы, для разрешения которых у них, быть может, не хватает, в большей или меньшей степени, материала; в этих работах, каковы бы ни были их научные и литературные недостатки, заслуживает уже признания их социалистическая добрая воля. Напротив, г-н Дюринг преподносит нам положения, которые он провозглашает окончательными истинами в последней инстанции, рядом с которыми всякое иное мнение объявляется, стало быть, уже заранее ложным. Обладатель исключительной истины, г-н Дюринг обладает также единственным строго научным методом исследования, рядом с которым все другие методы ненаучны. Либо он прав, и тогда перед нами величайший гений всех времен, первый сверхчеловек, ибо человек этот совершенно непогрешим; либо он неправ, и в таком случае, каков бы ни был наш приговор, всякая благожелательная снисходительность к г-ну Дюрингу, принимающая во внимание его возможные добрые намерения, была бы все-таки для него смертельнейшим оскорблением.

Когда обладаешь окончательной истиной в последней инстанции и единственно строгой научностью, то, само собой разумеется, приходится питать изрядное презрение к прочему заблуждающемуся и непричастному к науке человечеству. Нас не должно поэтому удивлять, что г-н Дюринг говорит о своих предшественниках крайне пренебрежительно и что его проникающая до корней основательность смиловилась лишь над немногими великими людьми, в виде исключения возведенными самим г-ном Дюрингом в это звание.

Послушаем сначала его мнение о философах:

«Лишенный всяких честных убеждений *Лейбниц*, этот лучший из всех возможных философствующих придворных».

Кант еще с грехом пополам может быть терпим, но после него все пошло вверх дном: появился «дикий бред и столь же нелепый, как и пустой вздор ближайших эпигонов, в особенности неких *Фихте* и *Шеллинга*... чудовищные карикатуры невежественной натурфилософической галиматии... послекантовские чудовищности» и «горячечные фантазии», которые увенчал «некий *Гегель*». Этот последний говорил на «гегелевском жаргоне» и распространял «гегелевскую заразу» посредством своей «вдобавок еще и по форме ненаучной манеры» и своих «неудобоваримых идей».

Естествоиспытателям достается не меньше, но из них назван по имени только Дарвин, и поэтому мы вынуждены ограничиться им одним:

«Дарвинистская полупоэзия и фокусы с метаморфозами, с их грубо чувственной узостью понимания и притупленной способностью различения... По нашему мнению, специфический дарвинизм, из которого, разумеется, следует исключить построения Ламарка, представляет собой *изрядную дозу зверства, направленного против человечности*».

Но хуже всего достается социалистам. За исключением разве только Луи Блана, самого незначительного из всех, все они грешники и не заслуживают славы, которую им воздавали предпочтительно перед г-ном Дюрингом (или хотя бы на втором месте после него). И не только

с точки зрения истины или научности, – нет, но и с точки зрения личного характера. За исключением Бабёфа и некоторых коммунаров 1871 г., все они не были «мужами». Три утописта окрещены «социальными алхимиками». Из них Сен-Симон третируется еще снисходительно, поскольку ему делается только упрек в «экзальтированности», причем с соболезнованием отмечается, что он страдал религиозным помешательством. Зато, когда речь заходит о Фурье, то г-н Дюринг совершенно теряет терпение, ибо Фурье «обнаружил все элементы безумия... идеи, которые, вообще, скорее всего можно найти в сумасшедших домах... самые дикие бредни... порождения безумия... Невыразимо нелепый Фурье», эта «детская головка», этот «идиот» – вдобавок даже и не социалист; в его фаланстере³⁷ нет и кусочка рационального социализма, это – «уродливое построение, сфабрикованное по обычному торговому шаблону».

И, наконец:

«Тот, для кого эти отзывы» (Фурье о Ньюtone) «... представляются еще недостаточными, чтобы убедиться, что в имени Фурье и во всем фурьеризме истинного только и есть, что первый слог» (fou – сумасшедший), «тот сам подлежит зачислению в какую-либо категорию идиотов».

Наконец, Роберт Оуэн «имел тусклые и скудные идеи... его столь грубое в вопросе о морали мышление... несколько трафаретных идей, выродившихся в нелепость... противоречащий здравому смыслу и грубый способ понимания... ход идей Оуэна едва ли заслуживает серьезной критики... его тщеславие» и т. д.

Если, таким образом, г-н Дюринг чрезвычайно остроумно характеризует утопистов по их именам: Сен-Симон – saint (блаженный), Фурье – fou (сумасшедший), Анфантен – enfant (ребяческий), то остается только прибавить: Оуэн – увы!, [o weh!] и целый, очень значительный период в истории социализма попросту... разгромлен при помощи четырех слов. А если кто в этом усомнится, тот «сам подлежит зачислению в какую-либо категорию идиотов».

Из суждений Дюринга о позднейших социалистах мы, краткости ради, извлечем только относящиеся к Лассалю и Марксу.

Лассаль: «Педантически-крохоборческие попытки популяризации... дебри схоластики... чудовищная смесь общей теории и пустяковых мелочей... гегельянское суеверие – без формы и смысла... отпугивающий пример... свойственная ему ограниченность... важничание ничтожнейшим хламом... наш иудейский герой... памфлетный писака... заурядный... внутренняя шаткость воззрений на жизнь и мир».

Маркс: «Узость взглядов... его труды и результаты сами по себе, т. е. рассматриваемые чисто теоретически, не имеют длительного значения для нашей области» (критической истории социализма), «а в общей истории духовных течений должны быть упомянуты самое большее как симптомы влияния одной отрасли новейшей сектантской схоластики... бессилие концентрирующих и систематизирующих способностей... хаос мыслей и стиля, недостойные аллюры языка... англоязычное тщеславие... одурачивание... дикие концепции, которые в действительности являются лишь ублюдками исторической и логической фантастики... вводящий в заблуждение оборот... личное тщеславие... мерзкие приемчики... гнусно... шуточки и прибауточки с претензией на остроумие... китайская ученость... философская и научная отсталость».

И так далее и так далее, ибо все приведенное выше, – это тоже лишь небольшой, наскоро собранный букет из дюринговского цветника. Само собой разумеется, что в данный момент мы еще совершенно не касаемся того, насколько являются окончательными истинами в последней инстанции эти любезные ругательства, которые при некоторой воспитанности не должны были бы позволить г-ну Дюрингу находить *что бы то ни было* мерзким и гнусным. Точно так же мы пока еще остерегаемся, чтобы у нас как-нибудь не вырвалось сомнение в коренной основатель-

³⁷ *Фаланстеры* – дворцы, в которых, согласно представлениям французского социалиста-утописта Ш. Фурье, должны были жить и работать члены производственно-потребительских ассоциаций в идеальном социалистическом обществе.

ности этих любезностей г-на Дюринга, так как в противном случае нам, быть может, запрещено было бы даже выбрать ту категорию идиотов, к которой мы принадлежим. Мы сочли только своим долгом, с одной стороны, дать пример того, что г-н Дюринг называет «образцами деликатного и истинно скромного способа выражения», а с другой – констатировать, что для г-на Дюринга негодность его предшественников есть нечто столь же твердо установленное, как его собственная непогрешимость. Засим мы в самом глубоком благоговении умолкаем перед этим величайшим гением всех времен... если, конечно, все обстоит именно так.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. ФИЛОСОФИЯ

III. ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ. АПРИОРИЗМ

Философия, – по г-ну Дюрингу, – есть развитие высшей формы осознания мира и жизни, а в более широком смысле она обнимает *принципы* всякого знания и воли. Везде, где человеческое сознание имеет дело с каким-либо рядом познаний или побуждений или же с какой-нибудь группой форм существования, – *принципы* всего этого должны быть предметом философии. Эти принципы представляют собой простые – или предполагаемые до сих пор простыми – элементы, из которых может быть составлено все многообразное содержание знания и воли. Подобно химическому составу тел, общее устройство вещей также может быть сведено к основным формам и основным элементам. Эти последние элементы или принципы, будучи раз найдены, имеют значение не только для всего того, что непосредственно известно и доступно, но также и для неизвестного и недоступного нам мира. Таким образом, философские принципы составляют последнее дополнение, в котором нуждаются науки, чтобы стать единой системой объяснения природы и человеческой жизни. Кроме основных форм всего существующего, философия имеет только два настоящих объекта исследования, а именно – природу и человеческий мир. Таким образом, для упорядочения нашего материала *совершенно непри-нужденно* получают три группы, а именно: всеобщая мировая схематика, учение о принципах природы и, наконец, учение о человеке. В этой последовательности заключается вместе с тем *известный внутренний логический порядок*, ибо формальные принципы, имеющие значение для всякого бытия, идут впереди, а те предметные области, к которым эти принципы должны *применяться*, следуют за ними в той градации, в какой одна область подчинена другой.

Вот что утверждает г-н Дюринг – и почти сплошь в дословной передаче.

Стало быть, речь идет у него о *принципах*, выведенных из *мышления*, а не из внешнего мира, о формальных принципах, которые должны применяться к природе и человечеству, с которыми должны, следовательно, сообразоваться природа и человек.

Но откуда берет мышление эти принципы? Из самого себя? Нет, ибо сам г-н Дюринг говорит: область чисто идеального ограничивается логическими схемами и математическими формами (последнее, как мы увидим, вдобавок неверно). Но ведь логические схемы могут относиться только к *формам мышления*, здесь же речь идет только о формах *бытия*, о формах внешнего мира, а эти формы мышление никогда не может черпать и выводить из самого себя, а только из внешнего мира. Таким образом, все соотношение оказывается прямо противоположным: принципы – не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории. Таково единственно материалистическое воззрение на предмет, а противоположный взгляд г-на Дюринга есть идеалистический взгляд, переворачивающий вверх ногами действительное соотношение, конструирующий действительный мир из мыслей, из предшествующих миру и существующих где-то от века схем, теней или категорий, точь-в-точь как это делает... *некий Гегель*.

Действительно, сопоставим «Энциклопедию» Гегеля³⁸ и все ее горячечные фантазии с дюринговскими окончательными истинами в последней инстанции. У г-на Дюринга мы имеем,

³⁸ G. W. F. Hegel. «Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Heidelberg, 1817 (Г. В. Ф. Гегель. «Энциклопедия философских наук в сжатом очерке». Гейдельберг, 1817). Это произведение состоит из трех частей: 1) логика, 2) философия природы, 3) философия духа. // При работе над «Анти-Дюрингом» и «Диалектикой природы» Энгельс пользовался работами Гегеля преимущественно в издании Сочинений, осуществленном после смерти Гегеля его учениками (см.

во-первых, всеобщую мировую схематику, которая у Гегеля называется *логикой*. Затем мы имеем у обоих применение этих схем – соответственно, логических категорий – к природе, что дает философию природы; наконец, применение их к человечеству – то, что Гегель называет философией духа. Таким образом, «внутренний логический порядок» дюринговской «последовательности» приводит нас «совершенно непринужденно» обратно к «Энциклопедии» Гегеля, из которой этот порядок заимствован с верностью, способной тронуть до слез вечного жида гегелевской школы – профессора Михелета в Берлине.³⁹

Так бывает всегда, когда «сознание», «мышление» берется вполне натуралистически, просто как нечто данное, заранее противопоставляемое бытию, природе. В таком случае должно показаться чрезвычайно удивительным то обстоятельство, что сознание и природа, мышление и бытие, законы мышления и законы природы до такой степени согласуются между собой. Но если, далее, поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они – продукты человеческого мозга и что сам человек – продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей.⁴⁰

Но г-н Дюринг не может позволить себе такой простой трактовки вопроса. Ведь он мыслит не только от имени человечества, что уже само по себе было бы немаловажным делом, а от имени сознательных и мыслящих существ всех небесных тел.

В самом деле, «было бы принижением основных форм сознания и знания, если бы мы, прибавив к ним эпитет «человеческие», захотели отвергнуть или хотя бы только взять под сомнение их суверенное значение и безусловное право на истину».

Таким образом, дабы не появилось подозрение, что на каком-нибудь другом небесном теле дважды два составляет пять, г-н Дюринг лишает себя права называть мышление «человеческим» и вынужден поэтому оторвать его от единственной реальной основы, на которой мы его находим, т. е. от человека и природы. Вследствие этого г-н Дюринг безнадежно тонет в такой идеологии, которая превращает его в эпигона того самого Гегеля, которого он обозвал «эпигоном». Впрочем, нам еще не раз придется приветствовать г-на Дюринга на других небесных телах.

Само собой понятно, что на такой идеологической основе невозможно построить никакого материалистического учения. Мы увидим впоследствии, что г-н Дюринг вынужден неоднократно подсовывать природе сознательный образ действий, т. е. попросту говоря – бога.

Впрочем, у нашего философа действительности были еще и другие мотивы к тому, чтобы основу всей действительности перенести из мира действительного в мир идей. Ведь наука об этой всеобщей мировой схематике, об этих формальных принципах бытия, – ведь именно она-то и составляет основу философии г-на Дюринга. Если схематику мира выводить не из головы, а только *при помощи* головы из действительного мира, если принципы бытия выводить из того, что есть, – то для этого нам нужна не философия, а положительные знания о мире и о том, что в нем происходит; то, что получается в результате такой работы, также не есть философия,

Указатель цитируемой и упоминаемой литературы).

³⁹ «Вечным жидом гегелевской школы» Энгельс называет Михелета, по-видимому, за его неизменную приверженность поверхностно понятому гегельянству. Так, в 1876 г. Михелет начал издавать пятитомную «Систему философии», общая структура которой воспроизводила план «Энциклопедии» Гегеля. См. C. L. Michelet. «Das System der Philosophie als exacter Wissenschaft enthaltend Logik, Naturphilosophie und Geistesphilosophie». Bd. 1–5, Berlin, 1876–1881 (К. Л. Михелет. «Система философии как точной науки, содержащая логику, философию природы и философию духа». Тт. 1–5, Берлин, 1876–1881). // *О Вечном жиде* см. Указатель имен (литературные и мифологические персонажи).

⁴⁰ В 1885 г. при подготовке второго издания «Анти-Дюринга» Энгельс предполагал дать к этому месту примечание, набросок которого («О прообразах математического бесконечного в действительном мире») он отнес впоследствии к материалам «Диалектики природы» (см. настоящий том, стр. 581–587).

а положительная наука. Но в таком случае весь том г-на Дюринга оказался бы не более, как даром потраченным трудом.

Далее, если не нужно больше философии как таковой, то не нужно и никакой системы, даже и естественной системы философии. Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом. Но вполне соответствующее своему предмету, исчерпывающее научное изображение этой связи, построение точного мысленного отображения мировой системы, в которой мы живем, остается как для нашего времени, так и на все времена делом невозможным. Если бы в какой-нибудь момент развития человечества была построена подобная окончательно завершенная система всех мировых связей, как физических, так и духовных и исторических, то тем самым область человеческого познания была бы завершена, и дальнейшее историческое развитие прервалось бы с того момента, как общество было бы устроено в соответствии с этой системой, – а это было бы абсурдом, чистой бессмыслицей. Таким образом, оказывается, что люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача – познать исчерпывающим образом систему мира в ее совокупной связи, а с другой стороны, их собственная природа, как и природа мировой системы, не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу. Но это противоречие не только лежит в природе обоих факторов, мира и людей, оно является также главным рычагом всего умственного прогресса и разрешается каждодневно и постоянно в бесконечном прогрессивном развитии человечества – совершенно так, как, например, известные математические задачи находят свое решение в бесконечном ряде или непрерывной дроби. Фактически каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным, объективно – историческими условиями, субъективно – физическими и духовными особенностями его автора. Но г-н Дюринг заранее объявляет свой способ мышления таким, который исключает какое бы то ни было поползновение к субъективно ограниченному представлению о мире. Мы уже видели раньше, что г-н Дюринг вездесущ, присутствуя на всех возможных небесных телах. Теперь мы видим также, что он и всеведущ. Он разрешил последние задачи науки и таким образом наглухо заколотил для всей науки дверь, ведущую в будущее.

Подобно основным формам бытия, г-н Дюринг считает также возможным вывести всю чистую математику непосредственно из головы, априорно, т. е. не прибегая к опыту, который мы получаем из внешнего мира.

В чистой математике, – утверждает г-н Дюринг, – разум имеет дело с «продуктами своего собственного свободного творчества и воображения»; понятия числа и фигуры представляют собой «достаточный для нее и создаваемый ею самой объект», и потому она имеет «значение, независимое от *особого* опыта и от реального содержания мира».

Что чистая математика имеет значение, независимое от *особого* опыта каждой отдельной личности, это, конечно, верно, но то же самое можно сказать о всех твердо установленных фактах любой науки и даже о всех фактах вообще. Магнитная полярность, состав воды из водорода и кислорода, тот факт, что Гегель умер, а г-н Дюринг жив, – все это имеет значение независимо от моего опыта или опыта других отдельных личностей, даже независимо от опыта г-на Дюринга, когда последний спит сном праведника. Но совершенно неверно, будто в чистой математике разум имеет дело только с продуктами своего собственного творчества и воображения. Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития. Как понятие числа, так и понятие фигуры заимствованы исключительно из внешнего

мира, а не возникли в голове из чистого мышления. Должны были существовать вещи, имеющие определенную форму, и эти формы должны были подвергаться сравнению, прежде чем можно было прийти к понятию фигуры. Чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть – весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевывать его происхождение из внешнего мира. Но чтобы быть в состоянии исследовать эти формы и отношения в чистом виде, необходимо совершенно отделить их от их содержания, оставить это последнее в стороне как нечто безразличное; таким путем мы получаем точки, лишенные измерений, линии, лишенные толщены и ширины, разные a и b , x и y , постоянные и переменные величины, и только в самом конце мы доходим до продуктов свободного творчества и воображения самого разума, а именно – до мнимых величин. Точно так же выведение математических величин друг из друга, кажущееся априорным, доказывает не их априорное происхождение, а только их рациональную взаимную связь. Прежде чем прийти к мысли выводить *форму* цилиндра из вращения прямоугольника вокруг одной из его сторон, нужно было исследовать некоторое количество реальных прямоугольников и цилиндров, хотя бы и в очень несовершенных формах. Как и все другие науки, математика возникла из *практических потребностей* людей: из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики. Но, как и во всех других областях мышления, законы, абстрагированные из реального мира, на известной ступени развития отрываются от реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, с которыми мир должен сообразоваться. Так было с обществом и государством, так, а не иначе, *чистая математика применяется* впоследствии к миру, хотя она заимствована из этого самого мира и только выражает часть присущих ему форм связей, – и как раз *только поэтому* и может вообще применяться.

Подобно тому как г-н Дюринг воображает, что из математических аксиом, которые *т* чисто логической точки зрения не допускают обоснования, да и не нуждаются в нем», можно без всякой примеси опыта вывести всю чистую математику, а затем применить ее к миру, – точно так же он воображает, что он в состоянии сначала создать из головы основные формы бытия, простые элементы всякого знания, аксиомы философии, из них вывести всю философию, или мировую схематику, и затем высочайше октроировать эту свою конституцию природе и человечеству. К сожалению, природа вовсе не состоит из мантёйфельских пруссаков 1850 г.,⁴¹ а человечество состоит из них лишь в самой ничтожной части.

Математические аксиомы представляют собой выражения крайне скудного умственного содержания, которое математике приходится заимствовать у логики. Их можно свести к следующим двум:

1. Целое больше части. Это положение является чистой тавтологией, ибо взятое в количественном смысле представление «часть» уже заранее относится определенным образом к представлению «целое», а именно так, что «часть» непосредственно означает, что количественное «целое» состоит из нескольких количественных «частей». Оттого, что так называемая аксиома вполне определенно это констатирует, мы ни на шаг не подвинулись вперед. Эту тавтологию можно даже до известной степени *доказать*, рассуждая так: целое есть то, что состоит из нескольких частей; часть есть то, что, будучи взято несколько раз, составляет целое; следовательно, часть меньше целого, – причем пустота содержания еще резче подчеркивается пустотой повторения.

⁴¹ Намек на рабскую покорность пруссаков, принявших конституцию, которая была октроирована («дарована») королем 5 декабря 1848 г. одновременно с разгоном прусского Учредительного собрания. Конституция, в выработке которой принимал участие реакционный министр Мантёйфель, была окончательно одобрена Фридрихом-Вильгельмом IV 31 января 1850 года.

2. Если две величины порознь равны третьей, то они равны между собой. Как доказал уже Гегель, это положение представляет собой заключение, за правильность которого ручается логика,⁴² – которое, стало быть, доказано, хотя и вне области чистой математики. Прочие аксиомы о равенстве и неравенстве представляют собой только логическое развитие этого заключения.

На этих тощих положениях ни в математике, ни где бы то ни было в другой области далеко не уедешь. Чтобы подвинуться дальше, мы должны привлечь реальные отношения, отношения и пространственные формы, отвлеченные от действительных тел. Представления о линиях, поверхностях, углах, многоугольниках, кубах, шарах и т. д. – все они отвлечены от действительности, и нужна изрядная доза идеологической наивности, чтобы поверить математикам, будто первая линия получилась от движения точки в пространстве, первая поверхность – от движения линии, первое тело – от движения поверхности и т. д. Даже язык восстает против этого. Математическая фигура трех измерений называется телом, *corpus solidum* по-латыни, следовательно – даже осязаемым телом, и, таким образом, она носит название, взятое отнюдь не из свободного воображения ума, а из грубой действительности.

Но к чему все эти пространственные рассуждения? После того как г-н Дюринг на страницах 42 и 43⁴³ вдохновенно воспел независимость чистой математики от эмпирического мира, ее априорность, ее оперирование продуктами свободного творчества и воображения ума, он на странице 63 заявляет:

«Легко упускают из виду, что эти математические элементы (число, величина, время, пространство и геометрическое движение) *идеальны только по своей форме...* Абсолютные величины, какого бы рода они ни были, представляют собой поэтому нечто совершенно *эмпирическое*... Однако «математические схемы допускают такую характеристику, которая *обособлена* от опыта и тем не менее является достаточной», что более или менее применимо ко *всякой* абстракции, но вовсе не доказывает, что последняя абстрагирована не из действительности. В мировой схематике чистая математика возникла из чистого мышления; в натурфилософии она – нечто совершенно эмпирическое, взятое из внешнего мира и затем обособленное. Чему же мы должны верить?»

IV. МИРОВАЯ СХЕМАТИКА

«Всеобъемлющее бытие *единственно*. Будучи самодовлеющим, оно не допускает ничего рядом с собой или над собой. Присоединить к нему второе бытие значило бы сделать его тем, чем оно не является, а именно – частью или элементом более обширного целого. Благодаря тому, что мы словно рамой охватываем все нашей *единой* мыслью, – ничто из того, что должно войти в это мысленное *единство*, не может сохранить в себе какую-либо двойственность. Но ничто не может также и остаться вне этого мысленного единства... Сущность всякого мышления состоит в объединении элементов сознания в некоторое единство... Именно благодаря объединяющей способности мышления возникает *неделимое понятие о мире*, а универсум, как показывает уже само слово, признается чем-то таким, в нем все объединено в некоторое *единство*».

Так говорит г-н Дюринг. Математический метод, согласно которому «всякий вопрос должен быть решаем *аксиоматически* на простых основных формах, как если бы дело шло о простых... принципах математики», – этот метод применен здесь впервые.

⁴² См. Гегель. «Энциклопедия философских наук», § 188; а также «Наука логики», кн. III, отд. I, гл. 3, параграф о четвертой фигуре умозаключения наличного бытия, и отд. III, гл. 2, параграф о теореме.

⁴³ В первом отделе «Анти-Дюринга» все такого рода ссылки на страницы относятся к книге Дюринга «Курс философии».

«Всеобъемлющее бытие единственно». Если тавтология, простое повторение в предикате того, что уже было высказано в субъекте, – если это составляет аксиому, то мы имеем здесь аксиому чистейшей воды. В субъекте г-н Дюринг говорит нам, что бытие охватывает все, а в предикате он бесстрашно утверждает, что в таком случае ничто не существует вне этого бытия. Какая колоссальная «системосозидающая идея»!

И в самом деле – «системосозидающая». Не успели мы прочесть и шести строк, как г-н Дюринг посредством «нашей единой мысли» уже превратил *единственность* бытия в его *единство*. Так как, по Дюрингу, сущность всякого мышления состоит в объединении в некоторое единство, то бытие, коль скоро оно мыслится, мыслится как единое, и понятие о мире есть неделимое понятие; а раз *мыслимое* бытие, *понятие о мире*, едино, то и действительное бытие, действительный мир, также составляет неделимое единство. И поэтому «для потусторонностей не остается уже никакого места, как только дух научается охватывать бытие в его однородной универсальности».

Перед нами поход, который совершенно затмевает Аустерлиц и Йену, Кёниггрец и Седан.⁴⁴ В каких-нибудь двух-трех положениях, через какую-нибудь страничку, – считая с того места, где мы мобилизовали первую аксиому, – мы успели уже отменить, устранить, уничтожить все потусторонности, бога, небесное воинство, небеса, ад и чистилище, вместе с бессмертием души.

Каким образом мы от единственности бытия приходим к его единству? Тем, что мы вообще представляем себе это бытие. Едва мы, словно рамой, охватили единственное бытие своей единой мыслью, как единственное бытие стало уже в мысли единым бытием, стало мысленным единством, ибо сущность *всякого* мышления состоит в том, что оно объединяет элементы сознания в некоторое единство.

Последнее положение просто неверно. Во-первых, мышление состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза. Во-вторых, мышление, если оно не делает промахов, может объединить элементы сознания в некоторое единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже *до этого существовало*. От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, – от этого у нее еще не вырастут молочные железы. Таким образом, единство бытия и, соответственно, правомерность понимания бытия как единства и есть как раз то, что нужно было доказать. И если г-н Дюринг уверяет нас, что он представляет себе бытие единым, а не, скажем, двойственным, то он этим высказывает лишь свое личное, ни для кого не обязательное мнение.

Если мы захотим представить ход его мысли в чистом виде, то он будет таков: «Я начинаю с бытия. Следовательно, я мыслю себе бытие. Мысль о бытии едина. Но мышление и бытие должны находиться во взаимном согласии, они соответствуют друг другу, «друг друга покрывают». Стало быть, бытие в действительности также едино. Стало быть, не существует никаких «потусторонностей». Но если бы г-н Дюринг говорил так откровенно, вместо того, чтобы угощать нас приведенными оракульскими изречениями, то его идеологический подход обнаружился бы с полной ясностью. Пытаться доказать реальность какого-либо результата мышле-

⁴⁴ Энгельс перечисляет ряд крупнейших сражений в европейских войнах XIX века. // *Сражение под Аустерлицем* 2 декабря (20 ноября) 1805 г. между русскими и австрийскими войсками, с одной стороны, и французскими – с другой, закончилось победой Наполеона I. // *Сражение при Йене* между французской армией под командованием Наполеона и прусскими войсками произошло 14 октября 1806 года. Закончившееся разгромом прусской армии, это сражение повлекло за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией. // *Сражение при Кёниггреце* (в настоящее время Градец-Кралове) произошло 3 июля 1866 г. в Чехии между австрийскими и саксонскими войсками, с одной стороны, и прусскими войсками – с другой, и явилось решающим сражением в австро-прусской войне 1866 г., которая закончилась победой Пруссии над Австрией. В истории это сражение известно также как битва при Садове. // *Сражение при Седане* 1–2 сентября 1870 г., в котором прусские войска нанесли поражение французской армии Мак-Магона и вынудили ее капитулировать, явилось решающим сражением франко-прусской войны 1870–1871 годов.

ния из тождества мышления и бытия, – вот именно это и было одной из самых безумных горячих фантазий... некоего Гегеля.

Если бы даже вся аргументация г-на Дюринга была правильна, то и тогда он не отвоевал бы еще и пяди земли у спиритуалистов. Последние ответят ему коротко: «мир и для нас *есть* нечто нераздельное; распадение мира на посюсторонний и потусторонний существует только для нашей специфически земной, отягченной первородным грехом точки зрения; само по себе, т. е. в боге, все бытие едино». И они последуют за г-ном Дюрингом на его излюбленные другие небесные тела и покажут ему одно или несколько среди них, где не было грехопадения, где, стало быть, нет противоположности между посюсторонним и потусторонним миром и где единство мира является догматом веры.

Самое комичное во всем этом то, что г-н Дюринг, желая из понятия бытия вывести доказательство того, что бога нет, применяет онтологическое доказательство бытия бога. Это доказательство гласит: «Когда мы мыслим бога, то мы мыслим его как совокупность всех совершенств. Но к этой совокупности всех совершенств принадлежит прежде всего существование, ибо существо, не имеющее существования, по необходимости несовершенно. Следовательно, в число совершенств бога мы должны включить и существование. Следовательно, бог должен существовать». – Совершенно так же рассуждает и г-н Дюринг: «Когда мы мыслим себе бытие, мы мыслим его как *одно* понятие. То, что охватывается одним понятием, – едино. Таким образом, бытие не соответствовало бы своему понятию, если бы оно не было едино. Следовательно, оно должно быть единым. Следовательно, не существует бога и т. д.».

Когда мы говорим о *бытии* и *только* о бытии, то единство может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют. В единстве этого бытия, – а не в каком-либо ином единстве, – они объединяются мыслью, и общее для всех них утверждение, что все они *существуют*, не только не может придать им никаких иных, общих или необщих, свойств, но на первых порах исключает из рассмотрения все такие свойства. Ибо как только мы от простого основного факта, что всем этим вещам обще бытие, удалимся хотя бы на один миллиметр, тотчас же перед нашим взором начинают выступать *различия* в этих вещах. Состоят ли эти различия в том, что одни вещи белы, другие черны, одни одушевлены, другие неодушевлены, одни принадлежат, скажем, к посюстороннему миру, другие к потустороннему, – обо всем этом мы не можем заключать только на основании того, что всем вещам в равной мере приписывается одно лишь свойство существования.

Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен *существовать*, прежде чем он может быть *единым*. Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения. Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания.

Пойдем дальше. *Бытие*, о котором повествует г-н Дюринг, не есть «то чистое бытие, которое, будучи равным самому себе, должно быть лишено всяких особых определений и в действительности представляет собой только аналог мысленного *ничто*, или иначе – отсутствия мысли».

Но мы очень скоро увидим, что мир г-на Дюринга на самом деле начинается с такого именно бытия, которое лишено всяких внутренних различий, всякого движения и изменения и, следовательно, фактически является всего лишь аналогом мысленного ничто, т. е. представляет собой действительное ничто. Лишь из этого *бытия-ничто* развивается теперешнее дифференцированное, изменчивое состояние мира, представляющее собой развитие, *становление*; и лишь после того, как мы это поняли, мы оказываемся в состоянии также и при этом вечном превращении «удерживать, как равное самому себе, понятие универсального бытия».

Таким образом, мы теперь имеем понятие бытия на более высокой ступени, на которой оно включает в себе как постоянство, так и изменение, как бытие, так и становление. Достиг-

нуж этого пункта, мы находим, что «род и вид, или вообще – общее и особенное, являются простейшими средствами различения, без которых нельзя понять устройство вещей».

Но все это представляет собой средства различения *качества*; рассмотрев их, мы идем дальше:

«Роду противостоит понятие величины, как того однородного, в чем уже нет больше никаких видовых различий», т. е. от *качества* мы переходим к *количеству*, а это последнее всегда «измеримо».

Сравним же теперь эти «строго очерченные всеобщие схемы действительности» и их «истинно критическую точку зрения» с неудобоваримыми идеями, диким бредом и горячечными фантазиями некоего Гегеля. Мы найдем, что логика Гегеля начинает с *бытия*, – как это делает и г-н Дюринг; что бытие раскрывает себя как *ничто*, – как и у г-на Дюринга; что от этого «бытия-ничто» совершается переход к *становлению*, а результатом становления является наличное бытие, т. е. более высокая, более заполненная форма бытия, – совсем как у г-на Дюринга. Наличное бытие приводит к *качеству*, качество – к *количеству*, – совсем как у г-на Дюринга. И чтобы не было недостатка ни в одном существенном элементе, г-н Дюринг, по другому поводу, рассказывает нам:

«Переход из сферы бесчувственности в сферу ощущения совершается, несмотря на всю количественную постепенность, только посредством *качественного скачка*, о котором мы... можем утверждать, что он бесконечно отличается от простой градации одного и того же свойства».

Это ведь гегелевская узловая линия отношений меры, где чисто количественное увеличение или уменьшение вызывает в определенных узловых пунктах *качественный скачок*, как, например, в случае нагревания или охлаждения воды, где точки кипения и замерзания являются теми узлами, в которых совершается – при нормальном давлении – скачок в новое агрегатное состояние, где, следовательно, количество переходит в качество.

Наше исследование тоже пыталось дойти до корня вещей, и в корне проникающих до самых корней дюринговских основных схем оно находит... «горячечные фантазии» некоего Гегеля, категории гегелевской «Логики» (часть I, учение о бытии)⁴⁵ в строго старогегелевской «последовательности» и почти без всякой попытки замаскировать плагиат!

И, не довольствуясь тем, что он заимствовал у своего, так оклеветанного им, предшественника всю его схематику бытия, г-н Дюринг – после того, как он сам дал приведенный выше пример скачкообразного перехода количества в качество, – нисколько не смущаясь, заявляет о Марксе:

«Разве не комично выглядит, например, ссылка» (Маркса) «на *путаное и туманное представление* Гегеля о том, что *количество превращается в качество!*».

Путаное и туманное представление! Кто здесь претерпевает превращение и кто здесь выглядит комичным, г-н Дюринг?

Таким образом, все эти милые вещицы не только не «решены аксиоматически», как было предписано, но просто привнесены извне, т. е. из «Логики» Гегеля. Да еще так, что во всей рассматриваемой здесь главе нет даже и видимости внутренней связи, поскольку эта связь не заимствована также у Гегеля, и все в конце концов сводится к бессодержательному мудрствованию о пространстве и времени, о постоянстве и изменении.

От бытия Гегель переходит к сущности, к диалектике. Здесь он рассматривает рефлексивные определения, их внутренние *противоположности* и противоречия, – например, положительное и отрицательное, – затем переходит к *причинности*, или к отношению причины и

⁴⁵ G. W. F. Hegel. «Wissenschaft der Logik». Nymberg, 1812–1816 (Г. В. Ф. Гегель. «Наука логики». Нюрнберг, 1812–1816). Это произведение состоит из трех книг: 1) объективная логика, учение о бытии (год изд. 1812); 2) объективная логика, учение о сущности (год изд. 1813); 3) субъективная логика, или учение о понятии (год изд. 1816).

действия, и заканчивает *необходимостью*. То же мы видим и у г-на Дюринга. То, что Гегель называет учением о сущности, г-н Дюринг переводит на свой язык словами: «логические свойства бытия». Последние же заключаются прежде всего в «антагонизме сил», в *противоположностях*. Но что касается противоречия, то его г-н Дюринг, напротив, радикально отрицает; позднее мы еще вернемся к этому вопросу. Далее он переходит к *причинности*, а от нее – к *необходимости*. Если, следовательно, г-н Дюринг говорит о себе:

«Мы, которые не философствуем *из клетки*», то это, очевидно, надо понимать так, что он философствует в клетке, а именно – в клетке гегелевского схематизма категорий.

V. НАТУРФИЛОСОФИЯ. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Перейдем теперь к *натурфилософии*. Здесь г-н Дюринг имеет опять все основания быть недовольным своими предшественниками.

Натурфилософия «пала так низко, что превратилась в какую-то пустую лжепоэзию, покоящуюся на невежестве», и «стала уделом проституированного философствования некоего Шеллинга и ему подобных молодцов, выступающих со своим хламом в роли жрецов абсолюта и мистифицирующих публику». Усталость спасла нас от этих «уродств», но пока она расчистила почву только для «шатаний»; «что же касается широкой публики, то тут, как известно, уход более крупного шарлатана часто дает лишь повод более мелкому, но более ловкому в этих делах преемнику воспроизводить под новой вывеской все штуки первого». Сами естествоиспытатели не проявляют большой «склонности к экскурсиям в царство мирообъемлющих идей» и потому дают в теоретической области одни лишь «несвязные скороспелые выводы».

Здесь действительно необходима помощь, и, к счастью, г-н Дюринг находится на своем посту.

Чтобы правильно оценить следующие за сим откровения о развитии мира во времени и его ограниченности в пространстве, мы должны вернуться вновь к некоторым местам «мировой схематики».

Бытию, опять-таки в согласии с Гегелем («Энциклопедия», § 93), приписывается бесконечность – то, что Гегель именует *дурной бесконечностью*,⁴⁶ – которая затем и исследуется.

«Наиболее отчетливой формой бесконечности, мыслимой *без противоречий*, является неограниченное накопление чисел в числовом ряде... Подобно тому, как мы к каждому числу можем прибавить еще одну единицу, не исчерпывая никогда возможности дальнейшего счета, так и к каждому состоянию бытия примыкает следующее состояние, и в неограниченном порождении этих состояний и заключается бесконечность. Эта *точно мыслимая бесконечность* имеет поэтому лишь одну-единственную основную форму с одним-единственным направлением. Ибо, хотя для нашего мышления и безразлично, представить ли накопление изменяющихся состояний в этом или в противоположном направлении, все же такая идущая назад бесконечность – не что иное, как образ, созданный слишком поспешным представлением. В самом деле, так как эта бесконечность должна была бы в действительности быть пройденной в *обратном* направлении, то в каждом отдельном своем состоянии она имела бы позади себя бесконечный числовой ряд. Но тогда мы получили бы недопустимое противоречие сосчитанного бесконечного числового ряда; поэтому предположить еще второе направление бесконечности оказывается бессмысленным».

Первое следствие, которое выводится из этого понимания бесконечности, состоит в том, что сцепление причин и следствий в мире должно было иметь некогда свое начало:

«Бесконечное число причин, уже примкнувших одна к другой, немислимо уже потому, что оно предполагает бесчисленность сосчитанной».

⁴⁶ Гегель. «Энциклопедия философских наук», § 94.

Стало быть, доказано существование *конечной причины*. Вторым следствием является «закон определенности каждого данного числа: накопление тождественных элементов какого-либо реального рода самостоятельных объектов мыслимо только в виде образования некоторого определенного числа». Само по себе определенным должно быть в каждый данный момент не только наличное число небесных тел, но и общее число всех существующих в мире мельчайших самостоятельных частей материи. Эта последняя необходимость есть истинное основание того, почему никакое соединение нельзя мыслить без атомов. Всякая реальная разделенность всегда обладает конечной определенностью и должна ею обладать, ибо иначе получится противоречие сосчитанной бесчисленности. По той же причине не только должно быть определенным число сделанных уже Землей оборотов вокруг Солнца, хотя это число и неизвестно нам, но и все периодические процессы природы должны были иметь какое-нибудь начало, а всякая дифференциация, все следующие друг за другом многообразия природы должны корениться в некотором *равном самому себе состоянии*. Такое состояние может без противоречия мыслиться существовавшим от века, но и это представление было бы исключено, если бы время само по себе состояло из реальных частей, а не делилось, напротив, произвольно нашим рассудком, путем одного только идеального полагания возможностей. Иначе обстоит дело с реальным и внутренне-неоднородным содержанием времени; это действительное наполнение времени поддающимися различению фактами, а также формы существования этой области принадлежат – именно благодаря своей различности – к тому, что поддается счету. Если мы мысленно представим себе такое состояние, которое лишено изменений и в своем равенстве самому себе не проявляет никаких различий в следовании, то и более частное понятие времени превратится в более общую идею бытия. Что должно означать это накопление пустой длительности, этого нельзя себе даже представить.

Так говорит г-н Дюринг, немало гордящийся важностью этих своих открытий. Сначала он выражает только надежду, что их «признают, по меньшей мере, немаловажной истиной», но дальше мы читаем у него:

«Напомним о тех *крайне простых* приемах, посредством которых *мы* доставили понятиям бесконечности и их критике *доселе неведомую значимость*... Вспомним элементы универсального понимания пространства и времени, столь *просто* построенные благодаря современному углублению и заострению».

Мы доставили! Современное углубление и заострение! Кто же это – мы, и когда разыгрывается эта современность? Кто углубляет и заостряет?

«Тезис. Мир имеет начало во времени, и в пространстве он также заключен в границы. – Доказательство. В самом деле, если мы допустим, что мир не имеет начала во времени, то до всякого данного момента времени прошла вечность – и, стало быть, истек бесконечный ряд следовавших друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Следовательно, бесконечный протекший мировой ряд невозможен; значит, начало мира есть необходимое условие его существования, – это первое, что требовалось доказать. – Что касается второй половины тезиса, допустим опять противоположное утверждение, что мир есть бесконечное данное целое из одновременно существующих вещей. Но величину такого количества, которое не дано в известных границах какого бы то ни было наглядного представления, мы можем мыслить не иначе, как только посредством синтеза частей, а целостность такого количества – только посредством законченного синтеза, или посредством повторного присоединения единицы к самой себе. Поэтому, чтобы мыслить как целое мир, наполняющий все пространства, необходимо было бы рассматривать последовательный синтез частей бесконечного мира как законченный, т. е. пришлось бы рассматривать бесконечное время, необходимое для пересчитывания всех сосуществующих вещей, как протекшее, что невозможно. Итак, бесконечный агрегат действительных вещей не может быть рассматриваем как данное целое, а следо-

вательно, он не может быть рассматриваем также и как данный *одновременно*. Следовательно, мир по своему протяжению в пространстве не бесконечен, а заключен в свои границы, – это второе» (что требовалось доказать).

Эти положения буквально списаны с одной хорошо известной книги, впервые появившейся в 1781 г. и озаглавленной: *Иммануил Кант*, «Критика чистого разума», где каждый может их прочитать в I части, отд. 2-й, кн. 2-я, гл. II, § 2: Первая антиномия чистого разума.⁴⁷ Г-ну Дюрингу принадлежит, следовательно, только та слава, что к мысли, высказанной Кантом, он приклеил *название* «закон определенности каждого данного числа» и открыл, что было такое время, когда еще не было никакого времени, хотя уже существовал мир. Что же касается всего прочего, т. е. всего того, что в рассуждениях г-на Дюринга еще имеет какой-либо смысл, то оказывается: «мы» – это... Иммануил Кант, а «современности» всего-навсего девяносто пять лет. Бесспорно, «крайне просто»! Замечательная «доселе неведомая значимость»!

Между тем Кант вовсе не утверждает, что приведенные положения окончательно установлены этим его доказательством. Напротив, на странице, помещенной тут же рядом, он утверждает и доказывает противоположное: что мир не имеет начала во времени и конца в пространстве. И именно в том, что первое из этих положений так же доказуемо, как и второе, Кант усматривает антиномию, неразрешимое противоречие. Люди меньшего калибра, быть может, несколько призадумались бы над тем, что «некий Кант» нашел здесь неразрешимую трудность. Но не таков наш смелый изготовитель «своеобразных в самой основе выводов и воззрений»: то, что ему может пригодиться из антиномии Канта, он прилежно списывает, а остальное отбрасывает в сторону.

Вопрос сам по себе разрешается очень просто. Вечность во времени, бесконечность в пространстве, – как это ясно с первого же взгляда и соответствует прямому смыслу этих слов, – состоят в том, что тут нет конца ни в какую сторону, – ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево. Эта бесконечность совершенно иная, чем та, которая присуща бесконечному ряду, ибо последний всегда начинается прямо с единицы, с первого члена ряда. Неприменимость этого представления о ряде к нашему предмету обнаруживается тотчас же, как только мы пробуем применить его к пространству. Бесконечный ряд в применении к пространству – это линия, которая из определенной точки в определенном направлении проводится в бесконечность. Выражается ли этим хотя бы в отдаленной степени бесконечность пространства? Отнюдь нет: требуется, напротив, шесть линий, проведенных из одной точки в тройко противоположных направлениях, чтобы дать представление об измерениях пространства; и этих измерений у нас было бы, следовательно, шесть. Кант настолько хорошо понимал это, что только косвенно, обходным путем переносил свой числовой ряд на пространственность мира. Г-н Дюринг, напротив, заставляет нас принять шесть измерений в пространстве и тотчас же вслед за этим не находит достаточно слов для выражения своего негодования по поводу математического мистицизма Гаусса, который не хотел довольствоваться тремя обычными измерениями пространства.⁴⁸

В применении ко времени бесконечная в обе стороны линия, или бесконечный в обе стороны ряд единиц, имеет известный образный смысл. Но если мы представляем себе время как ряд, начинающийся с *единицы*, или как линию, выходящую из определенной *точки*, то мы тем самым уже заранее говорим, что время имеет начало; мы предполагаем как раз то, что должны доказать. Мы придаем бесконечности времени односторонний, половинчатый характер; но односторонняя, разделенная пополам бесконечность есть также противоречие в себе, есть прямая противоположность «бесконечности, мыслимой без противоречий». Избежать такого про-

⁴⁷ I. Kant. «Critik der reinen Vernunft». Riga, 1781, S. 426–433.

⁴⁸ Речь идет о выпадах Дюринга против идей великого немецкого математика К. Ф. Гаусса относительно построения неевклидовой геометрии, в особенности – относительно построения геометрии многомерного пространства.

творения можно лишь приняв, что единицей, с которой мы начинаем считать ряд, точкой, отправляясь от которой мы производим измерение линии, может быть любая единица в ряде, любая точка на линии и что для линии или ряда безразлично, где мы поместим эту единицу или эту точку.

Но как быть с противоречием «сосчитанного бесконечного числового ряда»? Его мы сможем исследовать ближе в том случае, если г-н Дюринг покажет нам кунштюк, *как сосчитать этот бесконечный ряд*. Когда он справится с таким делом, как счет от $-\infty$ (минус бесконечность) до нуля, тогда пусть он явится к нам. Ведь ясно, что откуда бы он ни начал свой счет, он оставит за собой бесконечный ряд, а вместе с ним и ту задачу, которую ему надо решить. Пусть он обернет свой собственный бесконечный ряд $1+2+3+4\dots$ и попытается вновь считать от бесконечного конца обратно до единицы; совершенно очевидно, что это попытка человека, который совсем не видит, о чем здесь идет речь. Более того. Если г-н Дюринг утверждает, что бесконечный ряд протекшего времени сосчитан, то он тем самым утверждает, что время имеет начало, ибо иначе он вовсе не мог бы начать «сосчитывать». Он, стало быть, опять подсовывает в виде предпосылки то, что должен доказать. Таким образом, представление о сосчитанном бесконечном ряде, другими словами, мирообъемлющий дюринговский закон определенности каждого данного числа есть *contradictio in adjecto*,⁴⁹ содержит в себе самом противоречие, и притом *абсурдное* противоречие.

Ясно следующее: бесконечность, имеющая конец, но не имеющая начала, не более и не менее бесконечна, чем та, которая имеет начало, но не имеет конца. Малейшая диалектическая проницательность должна была бы подсказать г-ну Дюрингу, что начало и конец необходимо связаны друг с другом, как северный и южный полюсы, и что когда отбрасывают конец, то начало становится концом, тем *единственным* концом, который имеется у ряда, – и наоборот. Вся иллюзия была бы невозможна без математической привычки оперировать бесконечными рядами. Так как в математике мы, в силу необходимости, исходим из определенного, конечного, чтобы прийти к неопределенному, не имеющему конца, то все математические ряды, положительные или отрицательные, должны начинаться с единицы, иначе никакие выкладки тут невозможны. Но идеальная потребность математика весьма далека от того, чтобы быть принудительным законом для реального мира.

Кроме того, г-ну Дюрингу никогда не удастся представить себе действительную бесконечность лишенной противоречий. Бесконечность *есть* противоречие, и она полна противоречий. Противоречием является уже то, что бесконечность должна слагаться из одних только конечных величин, а между тем это именно так. Ограниченность материального мира приводит к не меньшим противоречиям, чем его безграничность, и всякая попытка устранить эти противоречия ведет, как мы видели, к новым и худшим противоречиям. Именно *потому*, что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, без конца развертывающийся во времени и пространстве процесс. Уничтожение этого противоречия было бы концом бесконечности. Это уже совершенно правильно понял Гегель, почему он и отзывается с заслуженным презрением о господах, мудрствующих по поводу этого противоречия.

Пойдем дальше. Итак, время имело начало. А что было до этого начала? Мир, находящийся в неизменном, самому себе равном состоянии. И так как в этом состоянии не происходит никаких следующих друг за другом изменений, то более частное понятие времени превращается в более общую идею *бытия*. Во-первых, нам здесь совершенно нет дела до того, какие понятия претерпевают превращения в голове г-на Дюринга. Речь идет не о *понятии* времени, а о *действительном* времени, от которого г-ну Дюрингу так дешево ни в коем случае не отделаться. Во-вторых, сколько бы понятие времени ни превращалось в более общую идею бытия, мы от этого не подвигаемся ни на шаг дальше. Ибо основные формы всякого бытия

⁴⁹ Противоречие в определении, т. е. абсурдное противоречие типа «круглый квадрат», «деревянное железо». Ред.

суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства. Гегелевское «вневременно прошедшее бытие» и новошеллинговское «предвечное бытие»⁵⁰ являются еще рациональными представлениями по сравнению с этим бытием вне времени. Поэтому г-н Дюринг и приступает очень осторожно к делу: собственно говоря, это, пожалуй, – время, но такое время, которое нельзя в сущности назвать временем, ибо само по себе время не состоит ведь из реальных частей и лишь произвольно делится на части нашим рассудком; только действительное наполнение времени поддающимися различению фактами принадлежит к тому, что поддается счету; а что должно означать накопление пустой длительности, – этого нельзя себе даже представить. Что должно означать это накопление, для нас здесь совершенно безразлично; спрашивается: длится ли мир в предположенном здесь состоянии, обладает ли он длительностью во времени? Что от измерения подобной, лишенной содержания длительности ничего не получится, как и в том случае, если бы мы принялись без смысла и цели производить измерения в пустом пространстве, – это мы знаем давно, и Гегель, именно вследствие скучного характера такого рода занятия, называет эту бесконечность *дурной*. Согласно г-ну Дюрингу, время существует только благодаря изменению, а не изменение существует во времени и благодаря времени. Именно потому, что время отлично, независимо от изменения, его можно измерять посредством изменения, ибо для измерения всегда требуется нечто отличное от того, что подлежит измерению. Затем, время, в течение которого не происходит никаких заметных изменений, далеко от того, чтобы *совсем не быть* временем; оно, напротив, есть *чистое*, не затронутое никакими чуждыми примесями, следовательно, истинное время, время *как таковое*. Действительно, если мы хотим уловить понятие времени во всей его чистоте, отделенным от всех чуждых и посторонних примесей, то мы вынуждены оставить в стороне, как сюда не относящиеся, все те различные события, которые происходят во времени рядом друг с другом или друг за другом, – иначе говоря, представить себе такое время, в котором не происходит ничего. Действуя таким путем, мы, следовательно, вовсе не даем понятию времени потонуть в общей идее бытия, а лишь впервые приходим к чистому понятию времени.

Однако все эти противоречия и несообразности представляют собой еще детскую забаву по сравнению с той путаницей, в которую впадает г-н Дюринг со своим равным самому себе первоначальным состоянием мира. Если мир был некогда в таком состоянии, когда в нем не происходило абсолютно никакого изменения, то как он мог перейти от этого состояния к изменениям? То, что абсолютно лишено изменений, если оно еще вдобавок от века пребывает в таком состоянии, не может ни в каком случае само собой выйти из этого состояния, перейти в состояние движения и изменения. Стало быть, извне, из-за пределов мира, должен был прийти первый толчок, который привел мир в движение. Но «первый толчок» есть, как известно, только другое выражение для обозначения бога. Г-н Дюринг, уверявший нас, что в своей мировой схематике он начисто разделался с богом и потусторонним миром, здесь сам же вводит их опять – в заостренном и углубленном виде – в натурфилософию.

Далее, г-н Дюринг говорит:

«Там, где величина принадлежит постоянному элементу бытия, она остается неизменной в своей определенности. Это положение справедливо... относительно материи и механической силы».

Первое предложение представляет, кстати сказать, прекрасный образчик широкоवेशательной аксиоматически-тавтологической манеры выражения г-на Дюринга: там, где величина не изменяется, она остается той же самой. Итак, количество механической силы, имеющееся в мире, остается вечно тем же самым. Мы уже не говорим о том, что в той мере, в какой это

⁵⁰ См. Гегель. «Наука логики», кн. II, начало Учения о сущности. // О категории позднего Шеллинга «предвечное бытие» см. в работе Энгельса «Шеллинг и откровение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 424 сл.).

положение правильно, его знал и высказал в философии почти триста лет тому назад Декарт,⁵¹ что в естествознании учение о сохранении силы за последние двадцать лет повсюду получило самое широкое распространение и что, ограничивая его *механической* силой, г-н Дюринг его отнюдь не улучшает. Но где же была механическая сила во время неизменного состояния мира? На этот вопрос г-н Дюринг упорно отказывается дать нам какой-либо ответ.

Где, г-н Дюринг, была тогда вечно остающаяся равной себе механическая сила и что она приводила в движение? Ответ:

«Изначальное состояние вселенной, или, выражаясь яснее, бытия материи, лишенного изменений, не заключающего в себе никакого накопления изменений во времени, – это вопрос, отмахнуться от которого может лишь ум, видящий верх мудрости в самоуродовании своей производительной способности».

Стало быть: либо вы принимаете без рассуждений мое неизменное изначальное состояние, либо я, наделенный производительной способностью Евгений Дюринг, объявляю вас духовными евнухами. Это, конечно, может кое-кого испугать. Но мы, уже видевшие несколько образцов производительной способности г-на Дюринга, позволим себе оставить пока изящное ругательство г-на Дюринга без ответа и спросить еще раз: однако, г-н Дюринг, с вашего позволения, как обстоит дело с механической силой?

Г-н Дюринг тотчас же приходит в замешательство.

Действительно, – бормочет он, – «абсолютное тождество этого первоначального предельного состояния само по себе не дает никакого принципа перехода. Вспомним, однако, что в сущности такое же затруднение имеется по отношению к любому, даже самому малому, новому звену в хорошо известной нам цепи бытия. Поэтому тот, кто хочет найти затруднения в данном главном случае, не должен позволять себе обходить их в случаях менее заметных. Сверх того, перед нами возможность включения промежуточных состояний, в их последовательной градации, и тем самым мост непрерывности, чтобы, идя назад, дойти до полного угасания изменений. Правда, чисто логически эта непрерывность не помогает нам найти выход из главного затруднения, но она является для нас основной формой всякой закономерности и всякого известного нам вообще перехода, так что мы имеем право воспользоваться его и как посредствующим звеном между упомянутым первоначальным равновесием и его нарушением. Но если бы мы захотели представить себе это, так сказать» (!), «неподвижное равновесие, в соответствии с теми понятиями, которые допускаются без особых сомнений» (!) «в современной механике, то совершенно нельзя было бы объяснить себе, каким образом материя могла дойти до состояния изменчивости». Но кроме механики масс существует еще, – говорит г-н Дюринг, – превращение движения масс в движение мельчайших частиц; однако как оно происходит, «для этого мы до сих пор не располагаем никаким общим принципом и мы не должны поэтому удивляться, если эти явления несколько уходят *в темную область*».

Вот и все, что может сказать г-н Дюринг. И в самом деле, мы должны были бы видеть верх мудрости не только в «самоуродовании производительной способности», но и в слепой и темной вере, если бы захотели удовлетвориться этими поистине жалкими, пустыми увертками и фразами. Что абсолютное тождество не может само собой прийти к изменению, это признаёт сам г-н Дюринг. Нет никакого средства, с помощью которого абсолютное равновесие само собой могло бы перейти в движение. Что же остается в таком случае? Три ложных жалких выверта.

Во-первых: столь же трудно, по словам г-на Дюринга, установить переход от любого, даже самого малого звена в хорошо известной нам цепи бытия к следующему звену. – Г-н Дюринг

⁵¹ Мысль о сохранении количества движения была высказана Декартом в его «Трактате о свете» (первая часть сочинения «Мир», написанного в 1630–1633, изданная посмертно в 1664 г.) и в его письме де Бону от 30 апреля 1639 года. Наиболее полно это положение было развито в книге: R. Des-Cartes. «Principia Philosophiae». Amstelodami, 1644, Pars secunda, XXXVI (Р. Декарт. «Начала философии». Амстердам, 1644, Часть вторая, § 36).

считает, по-видимому, своих читателей младенцами. Установление отдельных переходов и связей всех, даже самых малых, звеньев в цепи бытия как раз и составляет содержание естествознания, и если при этом кое-где дело не ладится, то никому, даже г-ну Дюрингу, не приходит в голову объяснять происшедшее движение из «ничего», а всегда, напротив, предполагается, что это движение является результатом перенесения, преобразования или продолжения какого-нибудь предшествующего движения. Здесь же, как он сам признаёт, дело идет о том, чтобы выводить движение из неподвижности, т. е. *из ничего*.

Во-вторых: мы имеем «мост непрерывности». Правда, чисто логически он, как говорит г-н Дюринг, не помогает нам найти выход из затруднения, но все же мы вправе *воспользоваться* этим мостом как посредствующим звеном между неподвижностью и движением. К сожалению, непрерывность неподвижности состоит в том, чтобы *не* двигаться; поэтому вопрос, каким образом создать при ее помощи движение, остается еще более таинственным, чем когда-либо. И сколько бы г-н Дюринг ни разлагал на бесконечно малые частицы свой переход от полного отсутствия движения к универсальному движению и какой бы долгий период он ни приписывал этому переходу, все же мы не сдвинемся с места ни на одну десятитысячную долю миллиметра. Без акта творения мы уж, конечно, никак не можем перейти от ничего к чему-то, хотя бы это «что-то» было не больше математического дифференциала. Таким образом, мост непрерывности – даже не ослиный мост⁵² пройти по такому мосту может только г-н Дюринг.

В-третьих: пока сохраняет значение современная механика, – а она, по г-ну Дюрингу, является одним из важнейших орудий для развития мышления, – совершенно невозможно объяснить, как совершается переход от неподвижности к движению. Но механическая теория теплоты показывает нам, что движение масс при известных обстоятельствах превращается в молекулярное движение (хотя и в этом случае движение возникает из другого движения, но никогда не возникает из неподвижности), и это, робко намекает г-н Дюринг, могло бы, быть может, послужить нам мостом между строго статическим (находящимся в равновесии) и динамическим (движущимся). Однако эти явления «несколько уходят в темную область». И г-н Дюринг так и оставляет нас сидеть впотьмах.

Вот куда мы пришли после всего углубления и заострения: все глубже погружаясь во все более глубокую бессмыслицу, мы, наконец, причалили туда, куда необходимо должны были причалить, – к «темной для нас области». Это, однако, мало смущает г-на Дюринга. Уже на следующей странице он имеет дерзость утверждать, что ему «удалось наполнить понятие равного самому себе постоянства реальным содержанием, исходя непосредственно из действий самой материи и механических сил».

И этот человек называет других людей «шарлатанами»!

К счастью, при всей этой путанице и беспомощном блуждании «впотьмах», у нас еще остается одно бесспорно возвышающее дух утешение:

«Математика обитателей других небесных тел не может основываться ни на каких иных аксиомах, кроме наших!».

VI. НАТУРФИЛОСОФИЯ. КОСМОГОНИЯ, ФИЗИКА, ХИМИЯ

В дальнейшем мы приходим к теориям о том, каким способом образовался нынешний мир.

Состояние всеобщего рассеяния материи, – говорит г-н Дюринг, – было исходным представлением уже у ионийских философов, но особенно со времени Канта гипотеза первоначальной туманности стала играть новую роль, причем тяготение и тепловое излучение послужили

⁵² Игра слов: «Eselbrucke» означает «ослиный мост», «мост для ослов», а также пособие для тупых или ленивых школьников (нечто вроде «шпаргалки»). Ред.

для объяснения постепенного образования отдельных твердых небесных тел. Современная механическая теория теплоты позволяет придать выводам о прежних состояниях вселенной гораздо более определенный характер. Но при всем том «состояние газообразного рассеяния может быть исходным пунктом для выводов, имеющих серьезное значение, лишь в том случае, если предварительно определеннее охарактеризовать данную в нем механическую систему. В противном случае не только эта идея фактически остается весьма туманной, но и первоначальная туманность, по мере дальнейших выводов, становится действительно все более густой и непроницаемой;... пока что все остается еще в смутном и бесформенном состоянии идеи рассеяния, не допускающей более точного определения», и, таким образом, мы имеем «в лице этой газообразной вселенной только крайне воздушную концепцию».

Кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся туманных масс была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление, будто природа не имеет никакой истории во времени. До тех пор считалось, что небесные тела с самого начала движутся по одним и тем же орбитам и пребывают в одних и тех же состояниях; и хотя на отдельных небесных телах органические индивиды умирали, роды и виды все же считались неизменными. Было, конечно, очевидно для всех, что природа находится в постоянном движении, но это движение представлялось как непрестанное повторение одних и тех же процессов. В этом представлении, вполне соответствовавшем метафизическому способу мышления, Кант пробил первую брешь, и притом сделал это столь научным образом, что большинство приведенных им аргументов сохраняет свою силу и поныне. Разумеется, теория Канта и до сих пор еще является, строго говоря, только гипотезой. Но и Коперникова система мира также остается доньше не более, чем гипотезой.⁵³ А после того как существование раскаленных газовых масс в звездном небе было установлено спектроскопически с убедительностью, разбивающей всякие возражения, замолкла и научная оппозиция против теории Канта. Сам г-н Дюринг тоже не может справиться со своей конструкцией мира, не прибегая к подобной стадии туманного состояния, но – в отместку за это – он выдвигает требование, чтобы ему показали данную в этом туманном состоянии механическую систему, а так как это пока невыполнимо, то он награждает это туманное состояние всякого рода пренебрежительными эпитетами. Современная наука не может, к сожалению, охарактеризовать эту систему так, чтобы вполне удовлетворить г-на Дюринга. Но в такой же степени она не может ответить и на многие другие вопросы. На вопрос, почему жабы не имеют хвоста, наука доселе может дать только такой ответ: «потому что они его утратили». Если же у кого-нибудь явилась бы охота погорячиться по поводу такого ответа и сказать, что в таком случае все остается в смутном и бесформенном состоянии идеи утраты, не допускающей более точного определения, и что все это представляет собой крайне воздушную концепцию, то от подобного применения морали к естествознанию мы не подвинулись бы ни на шаг вперед. Такого рода выпады и изъясления неудовольствия могли бы иметь место всегда и везде, и именно поэтому они никогда и нигде не уместны. И кто, наконец, мешает г-ну Дюрингу самому найти механическую систему первоначальной туманности? К счастью, мы узнаем теперь, что Кантова туманная масса «далеко не совпадает с вполне тождественным состоянием мировой среды, или, выражаясь иначе, с равным самому себе состоянием материи».

⁵³ О Коперниковой системе Энгельс в 1886 г. в своем произведении «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» говорит следующее: «Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Лавуазье на основании данных этой системы не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана» (см. настоящее издание, т. 21, стр. 284). Планета Нептун, о которой здесь идет речь, была открыта в 1846 г. наблюдателем Берлинской обсерватории Иоганном Галле.

Истинное счастье для Канта, что, найдя обратный путь от существующих ныне небесных тел к туманному шару, он мог этим удовлетвориться и что ему даже в голову не приходила мысль о равном самому себе состоянии материи! Заметим мимоходом, что если в современном естествознании туманный шар Канта называется первоначальной туманностью, то это, само собой разумеется, надо понимать лишь относительно. Эта туманность является первоначальной, с одной стороны, как начало существующих небесных тол, а с другой, как самая ранняя форма материи, к которой мы имеем возможность восходить в настоящее время. Это отнюдь не исключает, а, напротив, требует предположения, что материя до этой первоначальной туманности прошла через бесконечный ряд других форм.

Г-н Дюринг усматривает здесь свое преимущество. Там, где мы, вместе с наукой, останавливаемся пока на существовавшей когда-то первоначальной туманности, ему его наука наук помогает гораздо дальше проникнуть в прошлое, – вплоть до того «состояния мировой среды, которое нельзя понять ни как чисто статическое, в современном смысле этого представления, ни как динамическое», которого, следовательно, вообще нельзя понять.

«Единство материи и механической силы, которое мы называем мировой средой, есть, так сказать, логически-реальная формула, имеющая целью указать на равное самому себе состояние материи как на предпосылку всех поддающихся счету стадий развития».

Очевидно, мы далеко еще не отделились от этого равного самому себе первоначального состояния материи. Здесь оно называется единством материи и механической силы, а сие единство – логически-реальной формулой и т. д. Как только, следовательно, прекращается единство материи и механической силы, начинается движение.

Эта логически-реальная формула представляет собой не что иное, как бессильную попытку воспользоваться для философии действительности гегелевскими категориями «в себе» и «для себя». По Гегелю, бытие в себе содержит первоначальное тождество неразвитых противоположностей, скрытых в какой-либо вещи, в каком-либо процессе, в каком-либо понятии; в бытии для себя выступает различие и разъединение этих скрытых элементов и начинается их взаимная борьба. Мы, стало быть, должны представить себе неподвижное первоначальное состояние в виде единства материи и механической силы, а переход к движению – в виде их разъединения и противоположения. Но такой способ представления не дает нам доказательства реальности дюринговского фантастического первоначального состояния, а показывает только то, что это состояние может быть подведено под гегелевскую категорию «в себе», а столь же фантастическое прекращение этого состояния – под категорию «для себя». Гегель, выручай!

Материя, – говорит г-н Дюринг, – есть носитель всего действительного; поэтому не может существовать никакой механической силы вне материи. Далее, механическая сила есть некоторое состояние материи. И вот, в первоначальном состоянии, когда ничего не происходило, материя и ее состояние, т. е. механическая сила, составляли нечто единое. Следовательно, потом, когда что-то начало совершаться, состояние должно было, очевидно, стать отличным от материи. Итак, мы должны позволить потчевать нас подобными мистическими фразами, да еще уверением, что равное самому себе состояние не было ни статическим, ни динамическим, что оно не находилось ни в равновесии, ни в движении. Мы всё еще не знаем, где была механическая сила во время этого состояния и как нам без толчка извне, т. е. без бога, перейти от абсолютной неподвижности к движению.

До г-на Дюринга материалисты говорили о материи и движении. Г-н Дюринг сводит движение к механической силе, как к его якобы основной форме, и тем лишает себя возможности понять действительную связь между материей и движением, которая, впрочем, была неясна и всем прежним материалистам. Между тем дело это довольно просто. *Движение есть способ существования материи.* Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на

отдельных небесных телах, колебание молекул в качестве теплоты или в качестве электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь – вот те формы движения, в которых – в одной или в нескольких сразу – находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент. Всякий покой, всякое равновесие только относительно, они имеют смысл только по отношению к той или иной определенной форме движения. Так, например, то или иное тело может находиться на Земле в состоянии механического равновесия, т. е. в механическом смысле – в состоянии покоя, но это нисколько не мешает тому, чтобы данное тело принимало участие в движении Земли и в движении всей солнечной системы, как это ничуть не мешает его мельчайшим физическим частицам совершать обусловленные его температурой колебания или же атомам его вещества – совершать тот или иной химический процесс. Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи. Движение поэтому так же несотворимо и неразруσιμο как и сама материя – мысль, которую прежняя философия (Декарт) выражала так: количество имеющегося в мире движения остается всегда одним и тем же. Следовательно, движение не может быть создано, оно может быть только перенесено. Когда движение переносится с одного тела на другое, то, поскольку оно переносит себя, поскольку оно активно, его можно рассматривать как причину движения, поскольку это последнее является переносимым, пассивным.

Это активное движение мы называем *силой*, пассивное же – *проявлением силы*. Отсюда ясно как день, что сила имеет ту же величину, что и ее проявление, ибо в них обоих совершается ведь *одно и то же* движение.

Таким образом, лишнее движения состояние материи оказывается одним из самых пустых и нелепых представлений, настоящей «горячечной фантазией». Чтобы прийти к нему, нужно представить себе относительное механическое равновесие, в котором может пребывать то или иное тело на нашей Земле, как абсолютный покой и затем это представление перенести на всю вселенную в целом. Такое перенесение облегчается, конечно, если сводить универсальное движение к одной только механической силе. И тогда подобное ограничение движения одной механической силой дает еще то преимущество, что оно позволяет представить себе силу покоящейся, связанной, следовательно, в данный момент бездействующей. А именно, если перенос движения, как это бывает очень часто, представляет собой сколько-нибудь сложный процесс, в который входят различные промежуточные звенья, то действительный перенос можно отложить до любого момента, опуская последнее звено цепи. Так происходит, например, в том случае, если, зарядив ружье, мы оставляем за собой выбор момента, когда будет спущен курок и вследствие этого совершится разряжение, т. е. будет перенесено движение, освободившееся благодаря сгоранию пороха. Можно поэтому представить себе, что во время неподвижного, равного самому себе состояния материя была заряжена силой, – это и подразумевает, по-видимому, г-н Дюринг, если он вообще что-либо подразумевает, под единством материи и механической силы. Однако такое представление бессмысленно, ибо на вселенную в целом оно переносит, как нечто абсолютное, такое состояние, которое по самой природе своей относительно и которому, следовательно, может быть подвержена в каждый данный момент всегда только *часть* материи. Но даже если оставить в стороне это обстоятельство, то все же остается еще затруднение: во-первых, каким образом мир оказался заряженным, ибо в наши дни ружья не заряжаются сами собой, а, во-вторых, чей палец затем спустил курок? Мы можем вертеться и изворачиваться, как нам угодно, но под руководством г-на Дюринга мы каждый раз опять возвращаемся к... персту божию.

От астрономии наш философ действительности переходит к механике и физике. Здесь он сетует, что механическая теория теплоты за целое поколение, прошедшее со времени ее открытия, недалеко ушла от того пункта, до которого ее постепенно довел сам Роберт Майер. Кроме того, по его мнению, все это дело еще очень темно:

Мы вынуждены «вновь напомнить, что вместе с состояниями движения материи даны и статические отношения и что эти последние не имеют никакой меры в механической работе... Если мы раньше назвали природу великой работницей и будем теперь брать это выражение в его строгом смысле, то мы должны еще прибавить, что равные самим себе состояния и покоящиеся отношения не выражают никакой механической работы. Таким образом, у нас опять нет моста от статического к динамическому, и если так называемая скрытая теплота до сих пор остается камнем преткновения для теории, то мы и здесь должны констатировать такой пробел, наличие которого менее всего следовало бы отрицать в применении к космическим проблемам».

Все это оракульское разглагольствование представляет собой опять-таки не что иное, как изливание нечистой совести, которая очень хорошо чувствует, что этим своим порождением движения из абсолютной неподвижности она безнадежно запуталась, но все же стыдится апеллировать к единственному спасителю, а именно – к создателю неба и земли. Если даже в механике, включая сюда механику теплоты, нельзя найти моста от статического к динамическому, от равновесия к движению, то почему г-н Дюринг обязан отыскивать мост от своего неподвижного состояния к движению? Если это так, то он тем самым счастливо выпутался бы из беды.

В обыкновенной механике мостом от статического к динамическому является – толчок извне. Если камень весом в центнер поднят на высоту десяти метров и свободно подвешен, оставаясь там в равном самому себе состоянии и покоящемся отношении, то нужно апеллировать к публике из грудных младенцев, чтобы утверждать, будто теперешнее положение этого тела не выражает никакой механической работы или что расстояние, на котором оно находится от своего прежнего положения, не имеет никакой меры в механической работе. Каждый встречный без труда разъяснит г-ну Дюрингу, что камень не сам собой попал туда, вверх, на веревку, и первый попавшийся учебник механики может указать ему, что если этому камню дать вновь упасть, то он произведет при падении ровно столько механической работы, сколько нужно было ее затратить, чтобы поднять его на высоту десяти метров. Даже тот весьма простой факт, что камень висит там, наверху, выражает уже механическую работу, ибо если он будет висеть достаточно долгое время, то веревка оборвется, как только она, вследствие химического разложения, окажется недостаточно крепкой, чтобы поддерживать камень. Но к таким «простым основным формам», употребляя выражение г-на Дюринга, можно свести все механические процессы, и надо еще родиться такому инженеру, который не сумел бы найти мост от статического состояния к динамическому, располагая надлежащим внешним толчком.

Конечно, для нашего метафизика твердым орешком и горькой пилюлей является тот факт, что движение должно находить свою меру в своей противоположности, в покое. Ведь это – вопиющее противоречие, а всякое *противоречие*, по мнению г-на Дюринга, есть *бессмыслица*.⁵⁴ Тем не менее это факт, что висящий камень выражает определенное количество механического движения, которое может быть точно измерено по весу камня и его удаленности от поверхности Земли и может быть по желанию использовано различными способами (например, посредством прямого падения, спуска по наклонной плоскости, вращения какого-нибудь вала); и точно так же обстоит дело с заряженным ружьем. Для диалектического понимания эта возможность выразить движение в его противоположности, в покое, не представляет решительно никакого затруднения. Для него вся эта противоположность является, как мы видели, только относительной; абсолютного покоя, безусловного равновесия не существует. Отдельное движение стремится к равновесию, совокупное движение снова устраняет равновесие. Таким образом, покой и равновесие там, где они имеют место, являются результатом того или иного ограниченного движения, и само собой понятно, что это движение может быть измеряемо своим результатом, может выражаться в нем и вновь из него получаться в той или иной форме.

⁵⁴ Игра слов: «Widerspruch» – «противоречие», «Widersinn» – «бессмыслица». Ред.

Но удовлетвориться столь простой трактовкой этого вопроса г-н Дюринг не может. Как это и подобает настоящему метафизику, он сначала создает между движением и равновесием не существующую в действительности зияющую пропасть, а затем удивляется, что не может найти мост через эту, им же самим сфабрикованную пропасть. Он с таким же успехом мог бы сесть на своего метафизического Росинанта и погнаться за кантовской «вещью в себе», ибо именно она, а не что-либо другое, скрывается в конце концов за этим непостижимым мостом.

Но как обстоит дело с механической теорией теплоты и со связанной, или скрытой, теплотой, которая для этой теории «остается камнем преткновения»?

Если фунт льда при температуре точки замерзания и при нормальном атмосферном давлении превратить путем нагревания в фунт воды той же температуры, то исчезает количество теплоты, которого было бы достаточно, чтобы нагреть тот же фунт воды от нуля до $79,4^{\circ}$ C или чтобы нагреть 79,4 фунта воды на 1° . Если этот фунт воды нагреть до точки кипения, т. е. до 100° , и затем превратить ее в пар температурой в 100° , то, пока вода целиком превратится в пар, исчезает почти в семь раз большее количество теплоты – такое количество ее, которого достаточно, чтобы повысить на 1° температуру 537,2 фунта воды.⁵⁵ Эту исчезнувшую теплоту называют *связанной*. Если путем охлаждения превратить пар снова в воду и воду снова в лед, то такое же количество теплоты, которое прежде приведено было в связанное состояние, вновь *освобождается*, т. е. оно становится осязаемым и измеримым в качестве теплоты. Это высвобождение теплоты при сгущении пара и при замерзании воды есть причина того, что пар, охлажденный до 100° , лишь постепенно превращается в воду и что масса воды, имеющая температуру точки замерзания, лишь очень медленно превращается в лед. Таковы факты. Теперь спрашивается: что происходит с теплотой в то время, когда она находится в связанном состоянии?

Механическая теория теплоты, согласно которой теплота заключается в большем или меньшем, смотря по температуре и агрегатному состоянию, колебании мельчайших физически деятельных частиц тела (молекул), – колебании, способном при определенных условиях превратиться в любую другую форму движения, – эта теория объясняет дело тем, что исчезнувшая теплота произвела определенную работу, превратилась в работу. При таянии льда прекращается тесная, крепкая связь отдельных молекул между собой, превращаясь в свободное расположение соприкасающихся частиц; при испарении воды, имеющей температуру точки кипения, возникает такое состояние, в котором отдельные молекулы не оказывают никакого заметного влияния друг на друга и под действием теплоты даже разлетаются по всем направлениям. При этом ясно, что отдельные молекулы какого-либо тела в газообразном состоянии обладают гораздо большей энергией, чем в жидком, а в жидком состоянии – опять-таки большей, чем в твердом. Таким образом, связанная теплота не исчезла, – она просто претерпела превращение и приняла форму силы молекулярного напряжения. Как только прекращается условие, при котором отдельные молекулы могут сохранять в отношении друг друга эту абсолютную или относительную свободу, т. е. как только температура опускается ниже минимума в 100° или, соответственно, ниже 0° , – эта сила напряжения высвобождается, молекулы опять стремятся друг к другу с той же силой, с какой они раньше отрывались друг от друга; и эта сила исчезает, но лишь для того, чтобы вновь обнаружиться в виде теплоты, и притом в таком же точно количестве, которое прежде было связанным. Это объяснение представляет собой, конечно, только гипотезу, как и вся механическая теория теплоты, поскольку никто до сих пор не видел молекулы, не говоря уже о ее колебаниях. Оно поэтому несомненно полно пробелов, как и вообще вся эта еще очень молодая теория, но, по крайней мере, эта гипотеза может объяснить данный процесс, не вступая в какое бы то ни было противоречие с неуничтожимостью и несотворимостью движения, и она даже в состоянии дать точный отчет о том, куда девается

⁵⁵ По уточненным впоследствии данным скрытая теплота парообразования воды при 100° равна 538,9 кал/г.

теплота во время ее превращения. Следовательно, скрытая, или связанная, теплота вовсе не является камнем преткновения для механической теории теплоты. Напротив, эта теория впервые дает рациональное объяснение процесса, а камнем преткновения может служить разве лишь то, что физики продолжают называть теплоту, превращенную в другую форму молекулярной энергии, устаревшим и уже не подходящим выражением «связанная теплота».

Итак, в равных самим себе состояниях и покоящихся отношениях твердого, капельно-жидкого и газообразного агрегатного состояния действительно выражена механическая работа, поскольку эта последняя является мерой теплоты. Как в твердой земной коре, так и в воде океана в их теперешнем агрегатном состоянии выражено совершенно определенное количество освободившейся теплоты, которому, само собой разумеется, соответствует столь же определенное количество механической силы. При переходе газообразного шара, из которого возникла Земля, в капельно-жидкое, а позднее – в значительной своей части – в твердое агрегатное состояние, определенное количество молекулярной энергии было излучено в мировое пространство в виде теплоты. Следовательно, того затруднения, о котором таинственно бормочет г-н Дюринг, не существует; и даже в применении к космическим проблемам мы хотя и наталкиваемся на недостатки и пробелы, обусловленные несовершенством наших познавательных средств, но нигде не встречаемся с теоретически непреодолимыми препятствиями. Мостом от статического к динамическому является и здесь толчок извне – охлаждение или нагревание, вызванное другими телами, которые действуют на предмет, находящийся в равновесии. Чем больше мы углубляемся в дюринговскую натурфилософию, тем больше обнаруживается безнадежность всех попыток объяснить движение из неподвижности или найти мост, по которому чисто статическое, покоящееся может *само собой* перейти в динамическое, в движение.

Теперь мы как будто благополучно избавились на некоторое время от равного самому себе первоначального состояния. Г-н Дюринг переходит к химии и по этому случаю раскрывает перед нами три закона постоянства природы, добытые до сих пор философией действительности, а именно:

1) количество всей вообще материи, 2) количество простых (химических) элементов и 3) количество механической силы – неизменны.

Итак, несотворимость и неразрушимость материи и ее простых элементов, поскольку она состоит из них, а равно несотворимость и неразрушимость движения – эти старые общеизвестные факты, крайне неудовлетворительно выраженные, – вот единственное действительно положительное, что г-н Дюринг может преподнести нам как результат своей натурфилософии неорганического мира. Все это – давным-давно известные нам вещи. Оставалось для нас неизвестным лишь одно: что это – «законы постоянства» и что как таковые они представляют «схематические свойства системы вещей». Получается та же история, какую мы раньше⁵⁶ видели в отношении Канта: г-н Дюринг берет какое-нибудь общеизвестное старье, приклеивает к нему дюринговскую этикетку и называет это «своеобразными в самой основе выводами и воззрениями... системосозидающими идеями... проникающей до корней наукой».

Однако это еще отнюдь не должно приводить нас в отчаяние. Какими бы недостатками ни страдала эта самая коренная из всех наук и предлагаемое г-ном Дюрингом наилучшее общественное устройство, одно г-н Дюринг может утверждать с полной определенностью:

«Имеющееся во вселенной золото необходимо представляло всегда одно и то же количество и, подобно всей вообще материи, не могло быть ни увеличено, ни уменьшено».

К сожалению, г-н Дюринг не сообщает нам, что именно мы можем купить себе на это «имеющееся золото».

⁵⁶ См. настоящий том, стр. 47–48. Ред.

VII. НАТУРФИЛОСОФИЯ. ОРГАНИЧЕСКИЙ МИР

«От механики давления и толчка до связи ощущений и мыслей идет единообразная и единственная последовательность промежуточных ступеней».

Этим уверением г-н Дюринг избавляет себя от необходимости сказать что-либо более определенное относительно возникновения жизни, хотя, казалось бы, от мыслителя, который проследил развитие мира в обратном направлении вплоть до равного самому себе состояния и который чувствует себя совсем как дома на других небесных телах, можно было бы ожидать, что он и это дело знает в точности. Впрочем, приведенное утверждение г-на Дюринга верно лишь наполовину, пока оно не дополнено упомянутой уже⁵⁷ гегелевской узловым линией отношений меры. При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом. Таков переход от механики небесных тел к механике небольших масс на отдельных небесных телах; таков же переход от механики масс к механике молекул, которая охватывает движения, составляющие предмет исследования физики в собственном смысле слова: теплоту, свет, электричество, магнетизм. Точно так же и переход от физики молекул к физике атомов – к химии – совершается опять-таки посредством решительного скачка. В еще большей степени это имеет место при переходе от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью.⁵⁸ В пределах сферы жизни скачки становятся затем все более редкими и незаметными. – Итак, опять Гегелю приходится поправлять г-на Дюринга.

Для логического перехода к органическому миру г-ну Дюрингу служит понятие цели. И это опять-таки заимствовано у Гегеля, который в своей «Логике» – в учении о понятии – совершает переход от химизма к жизни при посредстве телеологии, или учения о цели. Куда мы ни посмотрим, везде мы наталкиваемся у г-на Дюринга на какую-нибудь гегелевскую «неудобоваримую идею», которую он без малейшего стеснения выдает за свою собственную, до корней проникающую науку. Мы зашли бы слишком далеко, если бы занялись здесь исследованием того, в какой степени правомерно и уместно применение представления о цели и средствах к органическому миру. Во всяком случае, даже применение гегелевской «внутренней цели», т. е. такой цели, которая не привносится в природу намеренно действующим сторонним элементом, например мудростью провидения, а заложена в необходимости самого предмета, – даже такое применение понятия цели постоянно приводит людей, не прошедших основательной философской школы, к бессмысленному подсовыванию природе сознательных и намеренных действий. Тот самый г-н Дюринг, который при малейших «спиритических» поползновениях других впадает в величайшее нравственное негодование, уверяет «с полной определенностью, что инстинкты созданы главным образом ради того удовлетворения, которое связано с их игрой».

Он рассказывает нам, что бедная природа «должна постоянно, все снова и снова, приводить в порядок предметный мир» и что сверх того у нее еще много других дел, «которые требуют от природы большей утонченности, чем принято думать». Но природа не только *знает*, почему она создает то или другое, ей не только приходится выполнять работу домашней служанки, она не только обладает утонченностью, что уже само по себе представляет собой весьма порядочное совершенство в субъективном сознательном мышлении, – она имеет еще и волю; ибо дополнительную роль инстинктов, – то, что они мимоходом осуществляют реальные естественные функции: питание, размножение и т. д., – «мы вправе рассматривать не как прямо, а лишь как косвенно *желаемое*».

⁵⁷ См. настоящий том, стр. 44. Ред.

⁵⁸ В 1885 г. при подготовке второго издания «Анти-Дюринга» Энгельс предполагал дать к этому месту примечание, набросок которого («О «механическом» понимании природы») он отнес впоследствии к материалам «Диалектики природы» (см. настоящий том, стр. 566–570).

Таким образом, мы пришли к сознательно мыслящей и сознательно действующей природе, следовательно, мы стоим уже на «мосту», вводим, правда, не от статического к динамическому, но все же от пантеизма к деизму. Или, быть может, г-ну Дюрингу хочется и самому немного заняться «натурфилософской полупоэзией»?

Нет, этого не может быть. Все, что наш философ действительности может сказать нам об органической природе, ограничивается походом против этой «натурфилософской полупоэзии», против «шарлатанства с его легкомысленной поверхностностью и, так сказать, научными мистификациями», против «напоминающих дурную поэзию черт» *дарвинизма*.

Прежде всего Дарвину ставится в упрек, что он переносит теорию народонаселения Мальтуса из политической экономии в естествознание, что он находится во власти представлений животновода, что в своей теории борьбы за существование он предается ненаучной полупоэзии и что весь дарвинизм, за вычетом того, что заимствовано им у Ламарка, представляет собой изрядную дозу зверства, направленного против человечности.

Дарвин вынес из своих научных путешествий мнение, что виды растений и животных не постоянны, а изменчивы. Чтобы у себя дома развить эту мысль дальше, ему не представлялось лучшего поля для наблюдений, чем разведение животных и растений. Именно в этом отношении Англия является классической страной; достижения других стран, например Германии, не могут даже в отдаленной степени сравниться по своему масштабу с тем, что в этом отношении сделано в Англии. При этом большая часть успехов, достигнутых в указанной области, относится к последней сотне лет, так что констатирование фактов не представляет больших затруднений. И вот, Дарвин нашел, что отбор вызвал искусственно у животных и растений одного и того же вида различия более значительные, чем те, которые встречаются у видов, всеми признаваемых разными. Таким образом, с одной стороны, была доказана доходящая до известной степени изменчивость видов, а с другой – было доказано, что у организмов, обладающих неодинаковыми видными признаками, могут быть общие предки. Дарвин исследовал затем, нельзя ли найти в самой природе таких причин, которые должны были с течением времени – без всякого сознательного и намеренного воздействия селекционера – вызвать в живых организмах изменения, подобные тем, которые создаются искусственным отбором. Причины эти он нашел в несоответствии между громадным числом создаваемых природой зародышей и незначительным количеством организмов, фактически достигающих зрелости. Так как каждый зародыш стремится к развитию, то необходимо возникает борьба за существование, которая проявляется не только в виде непосредственной физической борьбы или пожирания, но и в виде борьбы за пространство и свет, наблюдаемой даже у растений. Ясно, что в этой борьбе имеют наибольшие шансы достичь зрелости и размножиться те особи, которые обладают какой-либо, хотя бы и незначительной, но выгодной в борьбе за существование индивидуальной особенностью. Такие индивидуальные особенности имеют поэтому тенденцию передаваться по наследству, а если они встречаются у многих особей одного и того же вида, то и тенденцию усиливаться в однажды принятом направлении путем накопления наследственности. Напротив, особи, не обладающие такими особенностями, легче погибают в борьбе за существование и постепенно исчезают. Так происходит изменение вида путем естественного отбора, путем выживания наиболее приспособленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.